

Александр Холми

ИМПЕРИЯ
ПОЛУРАСПАДА

Александр Холин
Империя полураспада

«Автор»

2007

Холин А. В.

Империя полураспада / А. В. Холин — «Автор», 2007

Начало нового века... Те, кто умеет заглядывать в будущее, предупреждали мир о Третьей мировой, которая должна вспыхнуть на изломе времен. Но никто не предполагал, что началом конца может стать пожар высочайшего в мире сооружения... Мозаика событий в романе Александра Холина пугает и обнадеживает, заставляет думать и надеяться, что подобного не случится, и не даст скучать никому! Мы представляем необыкновенную художественную прозу. Острота и непредсказуемость сюжета, яркий калейдоскоп событий с легким налетом апокалиптичности, совершенно новый взгляд на известнейшие и мрачные факты истории современного мира – все это ожидает читателя в предлагаемой книге, создавая впечатление «Романа последних времен»!

© Холин А. В., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Вступление	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Холин
Империя полураспада
(мистико-фантастический детектив)

Самая губительная ошибка, которая когда-либо была сделана в мире, – это отделение политики от нравственности.

П. Б. Шелли

Кто не способен выдумывать небывлицы, у того один выход – рассказывать были.

Л. Военарг

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

С давних времён у человека одним из самых болезненных интересов было возвращение к минувшему, то есть самому произвести расследование: откуда всё произошло? Кто такие люди по своей сути? Где та движущая сила, управляющая миром? И человек лишь потом задавался вопросом: «Что будет?».

Итак, что же было со всеми нами? Одни пытаются уверить, что человек-де произошёл от обезьяны. Но переходный момент между австралопитеком и неандертальцем так и не обнаружен. Тем более что таких случаев в природе никогда не наблюдалось. Любой вид животного не может так вот запросто перейти в иной. С другой стороны очень многие пытаются ниспровергнуть тезис, что всё наше «здоровыслие» сотворено Всевышним.

Зачем Ему всё это было надо?

Вопрос логичен, с точки зрения человека. Но и ответ напрашивается соответствующий: затем, хотя бы, что душа наша, то есть Божественное начало, наш огонь может развиваться и пребывать только в физическом теле. Кроме этого Господь каждому человеку подкидывает испытания и смотрит, как сотворённое Им существо справляется с разными жизненными рогатками. Ведь если человек не ломается, не гнётся, не ищет «стрелочников», глупых оправданий и увёрток, значит, а терпеливо принимает жизнь такой, какая она есть, он действительно дитя Божье.

Известно одно высказывание или, если хотите, откровение: «Я есмь огонь внутри Себя, огонь служит Мне пищей и в нём Моя жизнь». Догадываетесь, кому принадлежат эти слова, и что за ними скрывается? Но в то же время господа материалисты утверждают, что человек, мол, только тогда и стал человеком, когда взял палку в руки и приручил огонь! Приручил?! Разве можно приручить что-то самоё в себе? Разве можно управлять движением Солнца или остановить мчащийся на полной скорости поезд, накинув на него ковбойское лассо?

Человек в допотопные времена просто жил и размножался на тёплой планете.

Зачем ему огонь? Не логичнее ли предположить, что он бежал бы от огня, как и остальные животные? Меж тем человек всегда находит в огне часть себя самого. Человек тянется к нему, как... как ребёнок к матери. Не странно ли?

«Огонь и тепло дают ключ к пониманию самых разных вещей, потому что с ними связаны неизгладимые воспоминания, простейший и решающий опыт каждого человека. Огонь – это нечто глубоко личное и универсальное. Он живёт в сердце. Он живёт в небесах. Он вырывается из глубин вещества наружу. Он прячется в недрах материи, тлея под спудом, как затаённая ненависть и жажда мести. Из всех явлений он один столь очевидно наделён свойством принимать противоположные значения – добра и зла. Огонь – это сияние Рая и пекло Преисподней, ласка и пытка. Это кухонный очаг и апокалипсис... Огонь противоречив, и поэтому он универсальное начало объяснения мира».¹ Вот поэтому любой человек, не говоря уже о наших пожарных и МЧС, готов всегда провести скрупулезное следствие и узнать фантастическую причину возникновения огня.

---

¹ Bachelard. L'homme du poeme et du theoreme.colloque de centenaire. Dijon, 1986.

Глава 1

Вертолёт МЧС методично рассекал непробиваемую крышу Останкинского тумана. Собственно, это был вовсе не туман, а плотный густой дым с места пожара. Всего несколько часов назад Москву встряхнула свеженькая сплетня: горит Останкинская телебашня! В это трудно было поверить, во всяком случае, поверить сразу. Как же так? Ведь самая большая в мире! Ведь там защита на защите и защитой защищается! Строили-то, в какие времена? – мы догоним и перегоним братанов-американов! Значит, использованы все существующие и несуществующие сопроматные законы с правильными, семижды семь проверенными расчётами. Такого просто не может быть, потому что быть не может!

С другой стороны, тут же подкрадывалась мыслишка: а вдруг? Хотя вертолёт летел неслабо, только эти мысли неслись много быстрее в амбициозной башке Родиона Рожнова, капитана пожарной службы, спешащего на небывалый в мире пожар. А что?! Нигде, никогда такого ещё не было и, скорее всего, не будет. Здесь Россия опять утёрла нос америкосам! Просто смех сквозь слёзы.

За капитаном Рожновым заехал домой сам заместитель начальника Пожарной Авангардно-Спасательной Службы при Совете Министров России. А это далеко не «абы как» и не «абы что».

Подполковник Наливайко заехал не просто, мимоходом, а прилетел на вертолёте, севшем на площади перед Киевским вокзалом. В этом людном месте гнездились множество торговых точек, но пустого места пока хватало. Вертолёт приземлился недалеко от дома. Необычайное зрелище привлекло внимание привокзальных бомжей и праздных любопытствующих. Виданное ли дело, Киевский вокзал постепенно превращается в почти частный аэродром!

Дверь квартиры долго не открывалась, но, наконец, резко распахнулась, обнажив невыспавшегося и очень сердитого хозяина коммунальной берлоги.

– Какого лешего!.. – с порога рыкнул хозяин. Но, увидев, кто к нему пожаловал, сразу стушевался. – Товарищ подполковник?! Вы? Но как вы узнали?.. Ах, да. Что я говорю, – вслух мыслил Рожнов.

– Может быть, разрешишь войти? – спросил Наливайко, вполне понимая растерянность хозяина.

– Конечно, конечно, – посторонился Рожнов.

Подполковник, не разуваясь, прошёл в комнату, заглянул в кухню, потом обернулся к капитану:

– Один, что ли? Собственно, это и хорошо. Никто мешать не будет.

– Чему мешать? – округлил Рожнов полусонные глаза.

– ЧП у нас, капитан. Собирайся.

– Но ведь я же отстранён от службы за самовольство при выполнении поставленной задачи, – протокольно отчеканил Рожнов.

– Ладно тебе, Родион, обиженку корчить, – прикрикнул на него подполковник. – Ты прекрасно знаешь, что лично я без дела не заявился бы. Ферштейн?

– Яволь, – кивнул хозяин. – Чем могу?..

– Можешь. Сорок армейских секунд тебе на сборы. Остальное расскажу по дороге.

– Сорок пять, – пробовал торговаться Рожнов.

– Я сказал – сорок! – отрезал Наливайко. – Выполнять!

...Внезапно клочья дыма разлетелись в стороны, перед глазами возникло небывалое зрелище. Ночь, совсем не интересующаяся пожаром, стремилась к своему завершению и таяла прямо на глазах. А ещё ей помогала башня, превратившаяся к этому времени в саркофаг теле-радиотрансляции во всей столице и не только. Казалось, даже тело бетонного саркофага про-

резают насквозь плазменные лучи онгонного сатанинского огня. Ведь не может же гореть в огненной ауре бетонный монолит! Тем не менее, это было. Клубы чёрного ядовитого дыма разносились далеко над городом. Куча пожарных машин, сгрудившаяся у фундамента, бесцельным образом поливала бетонные стены из брандспойтов.

Вертолёт примостился в проезде Дубовой рощи недалеко от Останкинского кладбища с наветренной стороны, чтобы заранее не нахвататься угарного газа.

Что ожидать от происшествия и как с ним бороться – пока не знал никто. Хотя отсюда видны были суетящиеся вокруг башни пожарники. Да что толку? Пытаются по раздвижным пожарным лестницам добраться насколько возможно, только толку от этого – чуть. Такая лестница выдвигается максимум на пятьдесят метров. Хотя бригадир прибывшего наряда сообщил о возможности или, скажем, попытке урезонить внутреннее горение, ведь огонь распространился пока ещё не везде. Но для этого необходимо было увидеть, разобраться в ситуации и сконцентрировать мечущихся пожарников в мощную заградительную команду.

«Если вы допускаете ошибку в описании природы огня, ваша ошибка распространится на все отрасли физики – ведь во всём, что создаёт природа, главным агентом всегда является огонь».²

Надо же. Это самое Родион вычитал накануне пожара! Как будто кто-то предупреждение послал. Ведь эта любопытная фраза запомнилась почему-то. Известно, что ничего случайного в мире не бывает. Только все логические выводы необходимо было отложить на потом. Философствовать сейчас некогда. Надо сообразить, что же всё-таки происходит.

Гореть могут только кабельные фидеры, а потушить кабель в бетонном «бронезилете» практически невозможно. Думай, Рожнов, думай! Вообще, стоит ли гасить эти фидеры? Сгоревший кабель всё равно не вернёшь, а биться об стенку лбом небезопасно. Может, просто в доступных местах перерубить кабель? Это одно из наиболее реальных решений. Ладно, не стоит голову забивать, как бороться с пожаром, не обследовав ещё самое место? Вдруг какая-нибудь другая проблема возникнет? Просто так Наливайко не прилетел бы. Он хотел по дороге о чём-то рассказать, да промолчал, значит, так надо.

Несколько десятков струй воды били из брандспойтов. Казалось, башня живёт какой-то своей особенной жизнью. Огонь мог пульсировать только по кабельным каналам внутри башни, как кровь по жилочкам человеческим.

– Капитан, – выглянул из вертолёта подполковник. – Я сейчас. Нам надо к генеральному конструктору, он во-он в том доме живёт, – Наливайко показал на квартал жилых домов, кучковавшихся неподалеку от пламенеющего объекта.

Родион Рожнов на секунду залюбовался вышедшей из-под контроля стихией, диктующей окружающему миру свои безапелляционные требования и не принимающая ничего лояльного, дипломатического.

Вот уже десять дней, как капитан Рожнов был отстранён от исполнения служебных обязанностей за непротокольное самовольство в служебной обстановке. Мало ли что – усмирил пожар! Мало ли что – применил систему направленных взрывов! Москва – не научно-исследовательский полигон! Мало ли что в России практически все относятся к потенциальному возникновению пожара с великорусским пренебрежением. Не положено – значит, не покладено. И никому ничего не докажешь. Только к запретам у нас в стране испокон веков равнодушны. Могут запретить и пожарнику пожар тушить, Рожнов даже улыбнулся, вспомнив нашумевший пожар в Капотне. А ведь «Нефтеперегонный» – не хрен с морковкой...

---

² Boerhаве. Elements de Chime, trad,2, viol, Leide. 1752. t.1.p.144.

Мобильник несколько минут усиленно надрывался. Капитан вышел из ванной, на ходу вытирая руки полотенцем. Подцепив мобилу, он всё же глянул на определитель и скабрёзно усмехнулся.

– Капитан Рожнов слушает, – буркнул он хриплым, не успевшим избавиться от недовольства голосом.

– Рожнов?! Где тебя носит? – взорвалась трубка.

– Ага, скажи «где, где», так и тебе захочется, – парировал Родион.

– Ты мне кончай пургу мести. В Капотне на «Нефтеперерабатывающем» пожар. Так что ноги в руки и...

– Слушай, майор, моя смена закончилась, – перебил Рожнов. – Позвони Тяглову. Он с пожарами не хуже справляется.

– Ты, Рожнов, не лезь на рожон, – рявкнула трубка. – Сказано выезжать, значит, выезжайте. И в полном составе. Ты лично отвечаешь.

Родион Рожнов постоянно грызся с майором Красновым из-за несоответствия взглядов. Но это уже дела не касалось. Начальника, какой он ни будь уважаемый, полезно держать всегда на расстоянии, а то живенько оседлает и ножки свесит.

– Разве я когда-нибудь увиливал от службы, майор? – спокойно осведомился Родион. – Вспомни, совсем недавно в Одинцово на пожаре «Одилака» так рвануло, что мало не показалось. А всё потому, что ты по-своему сделал, но отвечать мне пришлось.

– Не лезь в бытырку, Родион, – поутих немного майор. – Кто старое помянет, тому глаз вон. А я тебе дело предлагаю. Ты давно у меня канючишь – дать разрешение на направленный взрыв? Считаю, выпросил.

– Да ну? – не поверил капитан.

– Вот те ну, – гнул своё майор. – В Капотне на «Нефтеперерабатывающем» пожар пока ещё третьей категории. Чтоб он не перерос в пятую, дуй туда с отборными оглоедами и проводи свои долбаные опыты. Тем более, что это все в черте города, хоть и на берегу Москва-реки. В общем, сказано – выполняй. А вздумаешь кочевряжиться, завтра же будет рапорт начальнику ПАСС ГУВД, генерал-майору Рубцову лично. Это я тебе официально обещаю.

– Слушаюсь, – только и смог вымолвить Родион. – Но не забудьте распорядиться, чтоб из Балашихи в срочном порядке пригнали цистерну жидкого азота.

– Какой, к хрену, азот? У тебя всё с крышей в порядке?

– Не ори, майор! – взорвался Рожнов. – Не будет азота – можешь свой рапорт в задницу себе засунуть! Вместе с пожаром!

В Капотню к «Нефтеперерабатывающему» заводу прорвались без особых приключений в двух машинах. Всякую переброску войск перед битвой Рожнов переносил тяжело, нападало какое-то дикое оцепенение. Аналогичные чувства испытывали, видимо, и его бойцы. Что же такое – битва с огнём? Этого объяснить никто бы не смог. Навскидку, огонь – просто видение и ничего более!

Конечно, у него есть свой язык, он даже может петь. И летать – не хуже любой птицы. Но гибким мощным языкам пламени никогда не справиться с мускулистыми струями воды. В этом их большая разница. Если животворная вода несёт с собой смерть, то в огне смерть умирает, вернее, исчезает бесследно.

Недаром во многих древних религиях умерших полагалось сжигать. Это была священная мистерия Всеблагоего огня, когда человек не только уходит в мир иной, но, говорят, обретает даже путь к возвращению, к реинкарнации. Люди искренне верили, что человеку нет места нигде, кроме как на земле. Поэтому он должен, обязан вернуться, пусть под другим именем, в образе другого существа, это считалось человеческой повинностью. А ежели сие – правда, то хуже нет – ждать синюю птицу и догонять поезд. Уходя – уходи.

Справа по курсу показалось зловещее зарево. Тут же запищал мобильник в кармане гимнастёрки. Родион нехотя вытянул его и нажал кнопку связи:

– Рожнов слушает.

– Э-э-э, капитан. Ты где? – проблеяла трубка.

– Тангиев, ты, что ли? – рыкнул Рожнов. – Мы на подъезде. Что там, совсем туго?

– Совсем, капитан. Э-э-э, ты быстрее не можешь? Мои сбить пламя с цистерны пытаются.

Никак.

– Ясно. Гони людей рыть канаву в штык вокруг очага, – распорядился капитан.

– В штык глубиной? – не понял Тангиев. – Зачем? Мои сбить пламя не могут...

– Делай, что говорят! – снова рявкнул Рожнов. – А то я из тебя отбивную сделаю! Всё понял?

Трубка обиженно хрюкнула, но заткнулась. Машины, мигая синими маячками и разливаясь сиренами, свернули с МКАДа в сторону Первого квартала Капотни. Жители, заведя пожар на нефтеперегонке, давно успели попрятаться. Ведь если рванёт – весь район снесёт начисто, это и коню понятно. А вот как остановить?

Машины влетели во двор «Нефтеперерабатывающего», как две скоростных «Феррари» на гонках в пустыне. Во дворе, кроме пожарников, тоже никого не наблюдалось. Хотя нет. Навстречу Рожнову бросился хорошо упитанный, «протокольный» господин с бешеными навывкате глазками, трясущимися губами и облапыванием близлежащего пространства.

– Сделайте что-нибудь! Вызовите пожарные вертолёты! Ведь стогит же! Ведь рванёт! И пол-Москвы – к чёртовой бабушке! Ведь нефтеперегонка! Что ж вы стоите! – суетился упитанный.

– Не дёргайся! – остановил его Рожнов. – Ты чё, змей, раньше вызвать не мог? Теперь заткнись и не мешайся.

В это время на территорию завода вполз КАМАЗ с укреплённой на борту серебристой бочкой. В таких обычно перевозили жидкий азот.

– Самое время, – обрадовался Рожнов. – А, Тангиев, – кивнул он подбежавшему пожарнику. – Сними намордник.

Капитан узнал пожарника несмотря на противогаз, выглядывающий из-под каски на голове, как пятачок поросёнка. Пока Тангиев сдирал противогаз, капитан что-то усиленно чертил фломастером в папке.

– Смотри сюда, – показал он Тангиеву. – Я не знаю, давно ли горят эти две ёмкости, но если наш взрыв будет раньше, то всё, ништяк. Понял?

Пожарник только кивнул в ответ и зачем-то стряхнул с рукава прорезиненной робы хлопья пенной баланды, коей его команда давно уже безуспешно поливала охваченное пожаром двухэтажное заводское здание и стоящие неподалёку наземные ёмкости. Ну, здание понятно, отстоять можно. А вот две поставленные на попа бочки необъятного объёма от пламени явно избавляться не собирались.

– Значит так, – вернулся к вопросу Рожнов. – Тут я набросал планчик. Где твои прокопали траншейку?

– Здесь, здесь и здесь, – сделал отметки фломастером пожарный.

– Ага, – кивнул капитан. – Толково и с умом. Если всё путём будет – с меня жбан пива.

– Ладно, сочтёмся, – ухмыльнулся Тангиев.

– Семёнов, Волин, – окликнул капитан своих орлов. – Идите сюда. Вот в этих местах заложите привезённые нами гостинцы. А КАМАЗ с цистерной азота надо загнать с другой стороны.

– Э-э, друг. Ты не так делаешь, – встрял Тангиев. – Я тоже подрывник, я дело знаю.

– Вот у себя в Чечне и подрывай всё, что плохо лежит. А здесь, в Москве, твои кунаки и так уже потренировались на взрывах жилых домов, – отрезал Рожнов. – Подгони лучше

КАМАЗ вон туда, – он указал место между догорающим зданием и пылающими нефтестернами.

Тангиев обиженно пожал плечами, возражать начальнику не стал, но «оторвался» на сидевшем за рулём водителем КАМАЗА:

– А ну вылазь! – скомандовал он.

– Чё ты, мужик, – пытался возразить тот. – Я сам отгоню. Ты только скажи, куда.

– Э-э-э, я два раза не повторяю! – пожарник открыл дверцу и вытащил шофёра из кабины за воротник.

Потом Тангиев забрался в кабину и погнал дизелек, куда приказал капитан.

Шофёр с досадой сплюнул, но лезть в бутылку поостерёгся. Пожарники – с ними не поспоришь.

Между тем, ребята Рожнова растащили взрывчатку по указанным местам и ждали команды капитана, немного мандражируя – а вдруг эти бочки рванут раньше!

Тогда детонация неизбежна, тогда взлетит точно пол-Москвы. Из столицы давно уже выведены все нефтеперегонки. Только в Капотне уцелела. Надо же! И капитан, хоть он мужик толковый, а чего-то не мычит, не телится.

И тут у всех пожарных зазвенели в карманах зуммеры. Это была долгожданная команда: Four! Гул взрывов перекрыл все остальные шумы, а прямо перед двумя горящими цистернами разверзлась земля, куда оба огненных факела и рухнули. Под оглушительный грохот взрыва плавно осело здание, разваливаясь на куски, и часть постройки тоже свалилась под землю. За ним в провал полетел и КАМАЗ.

Трещина в земле оказалась не очень глубокая, но для машины хватило. Тем более что прикованный к её бортам резервуар с жидким азотом лопнул, как мыльный пузырь, потопля под своим содержимым бушующее пламя. На это, видимо, и рассчитывал капитан, поскольку справиться с нефтяным пожаром вряд ли можно было по-другому, то есть, подручными средствами.

– Хорошо, что Тангиев вовремя и на указанное место машину подогнал, – доложил капитану Волин. – Правда, КАМАЗ гикнулся, ну да чёрт с ним.

– А где сам Тангиев? – встревожился Рожнов.

Поиски пожарника ни к чему не привели. Лишь несколько часов спустя труп Тангиева обнаружили в кабине дизеля. Он то ли замешкался, то ли ещё что, но так и не успел выпрыгнуть из автомобиля. Ситуация складывалась довольно неважная.

На следующий день Рожнов из-за полученного стресса, и «честно» заработанной усталости, едва не опоздал на «разбор полётов». В кабинет, начальника ПАСС ГУВД генерал-майора Рубцова, капитан осторожно прокрался и примостился на стоящий возле стеночки стул.

– Вы отдаёте себе отчёт?! – громыхал во всю генерал-майор. – Устроили среди бела дня испытательный полигон в центре города!

– В Капотне, – подсказал его заместитель.

– Ах, да. Чуть ли не в центре города! Вы хоть понимаете всю ответственность вышеозначенного момента? – генерал поперхнулся, налил воды в стакан, глотнул, затем вытащил большой клетчатый платок, вытер руки и уже чуть спокойнее продолжил:

– Это из ряда вон выходящее происшествие приравнивается к Чрезвычайным, то есть к террористическим актам. Всем нам известна существующая нестабильность, и допускать такое не простая халатность, это преступление! Кто-то должен нести за это ответственность! Понимаете, задача пожарных – тушить огонь, бороться с пламенем, не допуская промахов и просчётов. Вы же устраиваете очередной несанкционированный взрыв, принёсший гибель человеческих жизней.

– Одной жизни, – опять шепнул заместитель.

– Пусть одной, – поправился генерал. – Но жизнь бойца важна для государства во все времена. Кстати, подайте рапорт о посмертном награждении погибшего, – обернулся он к заму. – Почему вы вообще решили применить взрыв? Что за самодеятельность?

– Товарищ генерал, разрешите доложить, – поднялся с места майор Краснов. – Несколько лет назад одним из моих подчинённых был разработан метод борьбы с лесными пожарами. На поверку, метод неплохо себя зарекомендовал при лесных пожарах...

– Товарищ майор, вы не в Африке, и наша столица – не джунгли. Речь идёт не о новых методах борьбы с пожарами. Речь идёт о наглom самоуправстве! Около двух с половиной килограммов тротилового эквивалента взорвано почти в центре города!

– В Капотне, – опять поправил заместитель.

– Неважно, – рыкнул тот. – Кто проводил непосредственно взрывные работы, принёсшие человеческие жертвы? Отвечайте!

– Капитан Рожнов, – вытянулся в струнку майор.

– Рожнов? Где он? – генерал обвёл хищным взглядом присутствующих.

– Капитан Рожнов, – поднявшись по стойке смирно, доложил Родион.

Генерал долго рассматривал его, будто примеряясь, с какой части тела начать человекопоедание.

– Пойдёте под суд, капитан, – генерал снова обернулся к заму. – Наливайко, вручите ему подписку о невыезде.

– Слушаюсь, – ответил тот.

– Ситуёвина складывается не в дугу, – отметил про себя Родион, выходя из кабинета после окончания разборок. – С такими склонностями к непроходимому армейскому уставу можно забыть о нормальной спасательной службе.

Исполнение устава и результативная работа – два медведя в одной берлоге. Если победит первый, то вскорости жди государственный план по пожаротушениям. Если же таковых не предвидится, то впору самому поджигать и тушить, чтобы план выполнить.

– Товарищ капитан, – сзади незаметно подкрался Наливайко с заготовленной бумаженцией о невыезде. – Вам необходимо расписаться, а заодно и составьте докладную, где толком изложите, что и как произошло.

– Слушаюсь, товарищ подполковник, – кивнул Рожнов.

– Э, да вы совсем скисли, – брови заместителя полезли вверх. – Нельзя так, милейший, нельзя. Начальство – оно обязано быть строгим, будь то генерал, президент, или папа Римский.

– Причём тут папа? У нас православная страна, – пожал плечами Рожнов. – А передача дел в суд, сами понимаете, не булка с маслом. Я что – в своих личных интересах использовал пару килограмм государственной взрывчатки? Или «Нефтеперерабатывающий» завод в Капотне взлетел на воздух, а заодно и все жилые дома в районе, а? Погиб офицер пожарного дивизиона? – было, согласен. Но это – просто дикий несчастный случай! Человек вовремя не успел выпрыгнуть из КАМАЗа! Ты, Наливайко, обязан взять с меня расписку, я знаю. Но ты же сам не первый год служишь, сам бывал в подобных ситуациях. Чего ж на меня наезжаешь? Или за компанию?

Подполковник стряхнул с кителя капитана невидимую пылинку, приложил пальцы обеих рук к своим вискам, на минуту прикрыл глаза. Потом снова посмотрел на Рожнова.

– Слушай, Родион, – вкрадчиво начал он. – Я не призываю идти на баррикады и доказывать свою невиновность. Тогда уж точно все шишки на тебя свалят. Ты этого хочешь? Нет? Вот и славно. Сейчас распишись в писульке и несколько дней можешь поваляться дома у телевизика. Или мотай куда-нибудь на рыбалку, только потихоньку, чтоб никто не знал. Мобилу держи при себе. Я, как что-то прояснится, сразу сообщу. Представь, не все забывают, что друзьям надо помогать. Во всяком случае, дело выеденного яйца не стоит, спустим твою чрезвычайку на тормозах. Только, прошу, не суетись, не высовывайся и не дёргайся. Договорились?

– Знаешь, Антон, – полувопросительно, полуутвердительно проворчал Рожнов. – Знаешь, мне до сих пор казалось, что наш любимый начальник Рубцов птица совсем иного полёта?

– И что же тебе казалось? – поднял бровь подполковник.

– Когда он лично награждал меня знаком отличия, даже нашей внутриважной газетёнке «На страже» интервью дал о моих изобретательских новшествах. Мне тогда по-честному казалось – он настоящий офицер, знающий и любящий своё дело, а сейчас...

– А что сейчас? – перебил его Наливайко. – Напортачил немного и хочешь как страус – голову в песок? Не получится. Не твоему же непосредственному начальнику Краснову брать на себя ответственность, а? Где он, кстати? Слиян уже. Вот в этом он весь. Когда тебя публично награждали – големом ходил, а теперь: я – не я, и шляпа не моя. Вот такие они все, начальники, и ты таким будешь, так что не отчаивайся.

А сейчас вали домой и ни с кем не разговаривай, никому на временное отстранение от обязанностей не жалуйся. Тем более, что об этом кроме генерала знаем пока только мы с тобой. Так что не всегда говори, о чём думаешь, но всегда думай, о чём говоришь. Ферштейн? Вот и славно, – заместитель начальника подцепил подписанный капитаном формуляр и с озабоченным видом отправился в канцелярию.

Уже спускаясь по эскалатору в метро, Рожнов подумал, что недаром на его «Волжанке» движок вчера стукнул. Может, показалось, а, может, и нет.

Двадцатьчетвёрка заводилась, как и раньше, с пол-оборота. Но всё-таки к мастакам в сервис её отогнать следовало. Мало ли что! А если на рыбалку – и там где-нибудь движок заклинит? Врагу не пожелаешь такого.

Машина – вчера, «ковёрный» нокаут – сегодня. Что ж, это нормально. Жизнь должна быть полосатой, иногда подставлять такие вот рогатки, иначе вообще жить неинтересно будет. Какую байку для жены выдумать? Ведь у него сегодня очередное дежурство, а придётся дома киснуть.

Дом, где жил Родион, выпадал из категории обычных в том смысле, что ни одного, обычного москвича в нём не наблюдалось. Хотя, не был он похож и на знаменитое элитное поселение на Софийской набережной. Даже планировка дома была нетипичной, поскольку место это облюбовал МОСХ, и все насельники жилища слыли художниками, архитекторами, либо писателями или артистами.

Сам Рожнов к выдающимся личностям себя не приписывал, поскольку квартиру в этом кооперативе удалось купить только через любимую тётушку, которая в Союзе художников вертела всем и всеми, как хотела.

Шутка ли – устроить вернисаж, либо просто рядовую выставку – все обращались с поклоном именно к ней. Ну и сделала племяннику свадебный подарок. На службе мужики сначала дружно ахали: «Живёшь на площадке с самим Президентом Российской Академии художеств! Ах, повезло!» Правда, Рожнов так и не понял – в чём повезло-то? Но спорить с народом не стал.

А тут ещё изобретение Рожнова широкую известность получило. Направленный взрыв во время пожара тушит всё и гаснет сам! Конечно, Рожнов сразу и сам стал знаменитым. Да только ни повышения в должности, ни в зарплате не последовало. Наоборот, получил отстранение. Более того, после сегодняшнего «разбора полётов» жди ещё неприятностей. Как назло, все гадости сваливались в последнее лето уходящего в небыль столетия. Мистика какая-то. Собственно, с мистикой у Родиона столкновения уже были, когда он на месячишко ездил к другу на Украину. Тот подарил ему модель кубических шахмат, которые до сих пор не нашли ещё нигде применения.

Кстати, хорошо, что вспомнил. Надо бы заехать на Трубную площадь, где у Гарри Кимовича Каспарова личный шахматный клуб почти напротив театра «Современной пьесы», бывшего когда-то обычнейшим Домом Политпросвещения. А Танька? А что Танька? Подождёт, на то она и жена. Пусть думает, что он на дежурстве, и волноваться не будет.

Шахматный клуб встретил Рожнова обновлённой входной дверью с кнопочным замком и глазком телекамеры. На звонок дверь открылась свободно: то ли его здесь уже узнавали охранники, то ли просто был приёмный день. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, капитан отметил, что мраморные ступеньки так и остались выщербленными. Неужели на ремонт денег не хватило? Эта мысль вызвала мимолётную улыбку: у Каспарова – нет денег!

– У нас пожарное состояние в норме! – встретил Рожнова на пороге Лёха Сазонов, администратор клуба, яростный шахматист и алкоголик.

– Лёша, ты опять под шофэ? – Родион выразительно щёлкнул себя по горлу. – Всё своё умение пропьёшь, не боишься?

– Я? – взвился Сазонов. – Я тебе ещё ни разу не проигрывал и в скором будущем не предвидится.

– А если? – поддел его Родион.

– Тогда прошу, – Лёха перекинул через рукав безупречного чёрного пиджака вафельное полотенце, как делают официанты, и показал на столик с уже расставленными фигурами. – Светик, – добавил он, обращаясь к девушке за стойкой бара. – Сотвори-ка мне «Северное сиянье», а Родиону...

– Двойной «Капучино», – добавил тот.

Шахматные партии быстро крадут время. Пока Алексей расправлялся с «Северным сиянием» – ёрш водки и шампанского, – а Родион налегал на кофе, ночь заглянула в окно и напонила игрокам, что домой сегодня не мешало бы всё-таки заглянуть.

– Ладно, – тряхнул головой Родион. – Ты, вижу, формы не теряешь, и я рад за тебя. Только жениться бы тебе не мешало. Сопьёшься ведь.

– Вот тогда уж точно сопьюсь, – парировал администратор.

– Верю, верю. Но я не за этим сегодня приезжал.

– То есть? – подозрительно прищурился Сазонов.

– Я сто лет назад приволок вам проект кубических шахмат, – напомнил Рожнов.

– Да, было что-то такое... а, может, не было, – замотал головой Лёха. – Ты это... забудь.

Оно тебе надо?

– Если бы не надо – не пришёл бы, – отрезал капитан. – Я тебя обучил в них играть?

– Ну, обучил, – неохотно согласился Лёха.

– Кто громче всех вопил, что это прыжок в человеческом развитии?

– Ну, я? А что дальше? – в глазах у Алексея вспыхнул трезвый огонь, будто бы и не прикладывался тот несколько раз к «Северному сиянию». – Чтоб ты знал – нынешним шахматным корифеям плевать на твои изобретения. Все давно уже сидят в удобных кожаных креслах, имеют послушных племенных тёлков, кучу зелёного бабла, и никому больше ничего не надо! Когда я нарисовал в «Фото-шопе» объёмный рисунок твоих шахмат, почти все наши управленцы на полчаса прилипли к монитору. Но не больше того! Потом каждый отмахивался, мол, не пудри мозги! Пойми, Родька, я к тебе хорошо отношусь, знаю, ты из тех немногих, на кого можно положиться, но и ты меня тоже пойми! Наши дерьмократы... да что наши – всё человечество шарика настолько дебилно, и развивать его не стоит, вредно. Вот разве в солдатиков поиграть, пострелять, найти, наказать виновных, поговорить «о худом мире, который лучше доброй войны», а после расползтись по парашам... и снова друг в друга палить. Ладно, ты меня понял...

Рожнов брёл Цветным бульваром в сторону метро по уже порядком потемневшей Москве, которая тоже, наверно, чувствовала, что вот, накатила чёрная полоса. Только у столыцы с наступлением утра всё «чёрное» закончится, а тут... А что тут? Тоже всё закончится. Будет день – будет пища. Сегодня ничего уже не должно случиться. Танька бы только не запилила. Но она-то, наверно, уже спит, вот и хорошо. Значит, пилить не будет. А то очень часто в последнее время начала практиковаться в анальных семейных сценах, медленно переходя-

щих в примитивный кухонный бокс. Это ли не лучшее времяпровождение?.. Ладно, завтра объясню, что и как. Утро вечера мудренее.

...Лифт доставил Родиона на четвёртый этаж. Он вставил ключ в дверь и подумал, что всё-таки очень хорошо иметь свой собственный остров. Пусть не таинственный, но свой, где можно скрыться, спрятаться от гоняющихся целый день за тобой поганеньких неприятностей. На острове можно просто отсидеться, а можно даже поговорить с его хозяйкой, которая, может быть, даст добрый совет. Осторожно прикрыв входную дверь, Родион включил свет в прихожей и остолбенел: на видном месте стояли мужские туфли. Чужие туфли. Чужие!

Рожнов быстро направился прямо в спальню. За дверью послышался какой-то шум. Видно, пришёл он не вовремя. Помешал! Дверь оказалась запертой изнутри на щеколду, но это особой преградой для него вовсе не являлось. Отойдя на шаг, капитан пинком распахнул дверь и влетел в комнату.

Щёлкнув выключателем, он оглянулся. В углу, в кресле, гнездилась Танька, прикрываясь халатом, тихо поскуливая в предвкушении мужниных «ласк». Между креслом и разобранной кроватью стоял мужик одной ногой уже влезший в штаны и никак не попадающий в штанину другой. Рожнов шагнул к нему, в это время мужик поднял голову навстречу летевшему кулаку. Охнув, мужик отлетел к шкафу и осел на пол. Рожу его, пока ещё не посиневшую от удара, Родион наконец-то разглядел.

Тут он сам едва устоял на ногах: майор Краснов!

Капитан рухнул в кресло, стоящее у окна, и закрыл ладонями лицо. Ничего не хотелось видеть и слышать. Но из другого угла спальни доносились испуганные Танькины всхлипывания. Как же она могла? Как?! Ох, мрази поганые, только и умеют, что юбки задирают и ноги раздвигать... И перед кем!! Но ведь Краснов должен был знать, что генерал только что отстранил Родиона до решения трибунала от дежурства. Должен? Ничего, никто никому ничего не должен. Что ни делается – всё к лучшему.

– Эй ты, осколок унитаза, – обратился он к очухавшемуся начальнику. – Быстро собирай свои гнидники, и чтоб я тебя не видел!

– Капитан, я всё объясню, – сделал попытку майор. – Я...

– Ещё одно слово, и тебя уже унесут, – просипел Рожнов.

Краснов, видимо, понял, что действительно надо уносить ноги самому, пока есть возможность. Когда входная дверь за ним закрылась, Родион взглянул на свернувшуюся клубочком в кресле Татьяну. Та под его взглядом опять заскулила, но, к счастью, ничего объяснять не пыталась.

– Ты тоже за ним проваливай...

Жена пошевелилась, однако и не думала покидать кресло. Вероятно, решила, что всё, как всегда, можно спустить на тормозах. Видимо, плохо она за десять лет совместной жизни изучила Родиона. Да и стремилась ли узнать? Он сейчас ощущал растущее где-то в глубине сознания жгучее желание взять Таньку за ноги и ахнуть головой о стенку. На миг перед глазами возникли белые рельефные обои в подтёках крови и серого мозгового вещества.

– Слышь, ты...

В этих сдавленных зубами словах Татьяна услышала угрожающую опасность и пулей вылетела в прихожую. Потом дверь за ней хлопнула, а Родион всё так же сидел, не шевелясь, в кресле. Окна заметно посерели. Значит, скоро рассвет. Рожнов заставил себя подняться, побрёл на кухню, достал из холодильника бутылку с подмигивающим «Распутиным», налил полную фаянсовую кружку и хлопнул одним глотком. Поначалу ничего даже не почувствовал. Потом где-то в глубине души пробежала тёплая струйка вспыхнувшего пороха.

Это уже ничего. Значит, будем жить. Собственно, не умирать же из-за того, что Петру Петровичу Краснову развлечётся захотелось. Он, видите ли, прохлопал, что подчинённый в

данное время отстранён от несения служебных обязанностей, а лох этот забыл, что не всегда не вовремя домой являться должно. Вот и получили оба.

Танька... как же так? Ведь он ей верил! Верил женщине, а она оказалась чужой. Недаром ей в школе прозвище Лолита приклеили. Танька тогда безумно в Набокова влюблена была, вот и получила – Лолиту. Собственно, она такой же до сих пор осталась. И даже не в физическом плане, а в духовном. Впрочем, не всё ещё потеряно. Вернее, ничего не потеряно, всё только начинается. Татьяна самолично произвела кастрацию их семейной жизни. Посмотрим, куда кривая вывезет. Баба с возу... то есть, леди с дилижанса – пони легче.

Родион скинул китель, ослабил, наконец, галстук и, прошел в спальню, бухнулся сначала на растерзанную кровать. Но чуть ли не сразу вскочил. Подушка сохранила ещё Танькин запах волос, а вот постель! Постель явно пованивала чужим. Скомкав простыни и одеяло, Родион прошлёпал в другую комнату и с маху рухнул ничком на тахту.

Глава 2

Утро разбудило Родиона ворвавшимся в квартиру телефонным звонком:

– Слушаю.

– Родя, не бросай трубку! Родя, я тебе всё объясню! Родя, я же не хотела! Родя, нам надо поговорить! – заверещал телефон Танькиным голосом. – Родя, я...

– Слушай, ты, – перебил он её, задыхаясь, потому что недавнее прошлое вспыхнуло в сознании, как экран включённого телевизора. – Не нам надо «поговорить», а тебе. Ты помнишь, я по Зодиаку – Лев. А львы не питаются объедками и падалью. Это удел шакалов. Твои гнидники и затычки я соберу в чемодан, выставлю за дверь. Можешь забрать в любое время. Если сунешься сейчас сюда – убью, ты меня знаешь.

Танька молчала, ожидая то ли продолжения приговора, то ли помилования, но черпать воду решетом Родиону не хотелось вовсе. Бросив трубку, он отправился в ванную и долго плавал в «проруби» – так он называл ванную, потому что иногда до краёв наполнял её жгучей холодной водой.

Танька, Натаньяха, Таниэлла, Татьяна Клавдиевна! Что же тебе не хватало?

Родион когда-то вытащил её из кришнаитской секты, можно сказать, спас. Ей тогда очень нравилось танцевать в полуиндийской компании прямо на Арбате.

Рожнов предложил другие танцы – на тахте. Татьяна попала меж двух огней, и надо было выбирать. А Родион терпеливо ждал. Тогда Татьяна выбрала, конечно, танцы на тахте. Родион на этом успокоился, а зря. Он считал, что мужских ласк должно хватить, разбавляя их к тому же честным офицерским трудом, то есть приличной зарплатой. За самоотверженный труд Танюха и наградила его «орденом Сутулова».

Эта женщина, как была, так и осталась чужой, нерусью, нелюдью. Она работала главным бухгалтером в каком-то новоиспечённом ООО. Родион даже названия не помнил. Главное, что жене работа нравилась, и у неё всё получалось!

Конечно, на такие должности не берут абы кого, прямо с улицы, но тут подоспели с помощью давнишние друзья Родиона. Во всяком случае, результат радовал: Танька была довольна, ей доверяли и прочее.

Только с недавнего времени жену стали загружать какой-то дополнительной работой. Это, конечно, приносило дополнительный заработок, но всех денег не заработаешь. Да и можно ли молиться Мамоне?! Ведь известно: какую жизнь ведёшь, что в этом мире делаешь – то тебе и вернётся бумерангом. Никогда нельзя работать на деньги – они сразу захватят, удавят, удушат... Надо, чтобы деньги работали на тебя!

А Танька, увлёкшись новой работой, зачастую приходила домой поздно, уставшая, и сразу же засыпала. Родион боялся её обидеть, да и домашние разборки никогда ни к чему хорошему не приводили. Чего же ей всё-таки не хватало? Однажды утром он попытался это выяснить и услышал только:

– Родя, отстань. Ты знаешь, меня утром трогать нельзя вообще. Я на работу собираюсь!

– А когда тебя можно, как ты это называешь, «трогать»? На дежурстве я могу общаться с тобой только по телефону, дома ты сразу же засыпаешь. Только и слышу: «Я не могу», «Я устала». Мне что, в «Секс-шопе» резиновую бабу для снятия стресса купить?

– Как знаешь, – отвела глаза Татьяна. – Каждый сам решает, что ему делать.

Значит, она уже решила, что ей делать. И с кем?! Чем майор Краснов лучше? Сапог сапогом. Может, Таньке нужен вовсе не любящий и ласковый, а примитивный самец?

Надо же, в один день свалилась целая куча неприятностей! Ко всем прочим проколам прилип ещё и шахматный. Ведь кубические шахматы – действительно изобретение, вероятно, даже мирового масштаба.

Что поделаешь – Россия. Если на западе кто-нибудь пронюхает про кубические шахматы, то вмиг запатентует и в Россию они вернуться, как великое изобретение очередного американского архантропа.³

За много лет до Эдисона русский Левша, по фамилии Яблочков, изобрёл лампочку, ставшую потом «лампочкой Ильича». То же самое произошло с паровозом, изобретением братьев Черепановых, а запатентованного братьями Райт, американцами, и с радио, изобретением Попова, но по европейским понятиям – запатентованные труды Маркони, Морзе и других. Причём, русские изобретения так и погибли бы в неизвестности, кабы не американо-европейские архантропы, повторно подарившие миру полезные изобретения, нахально объявив их своими. Похоже, история с шахматами повторяется.

Родион накинул халат и отправился к компьютеру. Монитор как обычно долго грелся, включался, разгонялся, но вот, наконец, удалось вызвать изображение несравненного шахматного образа. Обыкновенный куб. Одна команда, например белые, стоят вверху куба, а чёрные – внизу. Фигуры для шахматной битвы используют диагональ и восемь горизонтальных досок. Поди-ка, повоюй в такой трёхмерной пространственной диспозиции! Вот от этого и шарахаются толстосумы, которым ничего не надобно, лишь бы ублажить утробу да плоть.

Многое существует в этой жизни для удовлетворения человеческих потребностей, а надо ли? Есть ли что-то, без чего человек не сможет выжить или просто честно жить?

Ведь, по сути, человеку ничего, кроме любви, не требуется. Но, теряя любовь, человек всегда ищет виноватых на стороне. Может, не Татьяна вовсе виновата, а он сам? Человек становится человеком лишь тогда, когда никому не принадлежит, когда полностью свободен и волен выбирать, но однажды избранное нельзя менять, как надоевшую майку или перчатки. Это как раз несвобода. Вернее, свобода, но – распушенности.

Вседозволенность возвращает человека в скотское состояние. Разрыв души и тела, которые должны существовать нераздельно, при этом неизбежен. Личность разрушается и человек, ища себе оправдание, сваливает все грехи на окружающих и даже на Бога.

Так не выбирай ничего, если не готов. Поживи один или одна.

Вот когда поймёшь суть одиночества, тогда объявится твоя настоящая половина, которую не придётся искать. И вместе вы сможете запросто сыграть партию в кубические шахматы, не проигрывая и не выигрывая, а просто бесконечно играя.

Интересно, где сейчас давнишний приятель Женька с удивительной знакомой Янгой, подкинувшие шахматную идею? На Родиона нахлынула волна воспоминаний, ведь «жизнь – это прошедшее время, где места грядущему нет».

За окном вагона мелькали вездесущие придорожные столбы и лесопосадки, лишь иногда приоткрывая раскинувшиеся вдалеке луга или широкое поле, засеянное каким-нибудь зерном. Хлебный край, как раньше считалось, превратился в сало-луковый, ничем, в общем-то, не отличаясь от множества других российских пахотных пустынь. Разве что воздух другой. Это Родион унюхал, гуляя на одной из станций во время остановки поезда. Свежий запах удивительного на вкус воздуха, смешанный с креозотом полустанка, поражал своей необычностью. Все железнодорожные полустанки пахнут одинаково – креозотом вперемешку с мазутно-солидольной основой. А здесь чистый воздух стремился отвоевать проигранное наступающей технократии пространство.

– Засулье, – послышался в конце вагона командирский голос проводницы, – кто у меня здесь?

---

³ Архантроп – (хомо-сапиенс неандерталиенс – пращур архантропа), обладает инстинктом алчного хищника, самой упрощённой речью и врождённым стремлением к убийству ради убийства.

Пока она обходила вагон, раздавая билеты собиравшим пожитки пассажирам, поезд заметно сбавил ход и, наконец, притормозил на небольшой украинской станции. Остановка была непродолжительной, поэтому те, кто выходил, путаясь в узлах и чемоданах, спешили покинуть вагон, беззлобно переругиваясь с другими шустрými пассажирами, желающими тоже выскочить на перрон чтобы успеть за несколько минут стоянки купить у дефилирующих вдоль состава бабушек с ведрами и корзинками полными всякой снеди, что-нибудь вкусненькое, домашней выпечки или засолки.

Родион выплеснулся из тамбура в шумной волне пассажиров, которая быстро растеклась по асфальту, лишь кое-где оставляя маленькие группки людей, как клочья разноцветной пузырящейся пены.

– Родион! Родька! – разлился над толпой могутный глас.

Рожнов оглянулся. Могутным гласом его встречал Жэк, то есть Женька, – давнишний друг по дальневосточным, колымским, алтайским и, Бог его знает каким ещё скитаниям. Это дурацкое прозвище, прочно прилепившееся к нему на долгие годы, Женя получил по созвучию с именем.

– Родька! Здесь я! – снова возопил он, пробираясь сквозь толпу. – Молодец, что приехал. Отдохнешь у меня, как у Христа за пазухой. Я такой дом отхватил, ахнешь!

Всю дорогу до деревни Женька разглагольствовал о плодородии украинской – «хай живэ и процвэ!» – земли, хвастался усадьбой, женой и детьми, которых он уже успел прижить на «плодородной вильнанэнкой Вкраине». Слушая его, Родион не забывал осматривать окрестности, поскольку ему не доводилось еще бывать на Украине. Во всяком случае, он убеждался в правоте своего спутника. Подсолнухи – в полтора-два человеческих роста – выглядывали из-за разномастных плетней. Кое-где сквозь более редкие загородки можно было заметить огромные тыквы и живописные лопухи огурцов, плотными кольцами окружающие деревенские мазанки. Родион знал, что украинские дома в деревнях возводят из самана, но нигде в Российском государстве таких вылепленных из глины и обложенных вагонкой игрушечных хат ещё не видывал. Собственно, у каждого места на земле свои законы, своя жизнь.

– Слушай, Жэк, может ты и прав насчет плодородной земли, но мне кажется, дело в другом, – осадил своего друга Родион.

– То есть как? – опешил тот.

– Здесь же Чернобыль поблизости, – Рожнов неопределённо махнул в пространство рукой. – До сих пор по Рассеюшке, а особенно у нас в пожарных войсковых подразделениях бродят сплетенки о местных мутантах, о дикой мистике, приютившейся в здешних, довольно дивных краях, ну и всё такое.

– Скажешь тоже! Вон сосед мой, композитор. Так он прежде, чем в деревне дом купить, самолично все тут с радиометром облазил. И землю в лабораторию возил. Тоже москвач навроде тебя.

Последнюю фразу Женька произнес с едва скрываемым сарказмом – видимо, не хотелось обижать друга, но и скрыть презрение к москвичам было выше его сил.

– Чем же тебя так москвичи обидели? – усмехнулся Родион.

– Да так... – Женька явно не хотел продолжать скользкую тему.

– Жэк, а как у вас с рыбалкой? – помог ему долгожданный гость.

– В точку, старик! – обрадовался Жэк. – Ты такого еще нигде не видел, ни на Каспии, ни на Колыме, ни на Амуре, ни, тем более, на Москве-реке.

– Ну уж! – хмыкнул Родион.

Это раззадорило Евгения, и весь оставшийся путь Рожнову пришлось слушать об огромных щуках – почти акулах, – которых можно поймать в местной речке даже на голый крючок. Речка тоже была своеобразной достопримечательностью: оказывается, во времена половец-

ких набегов она стала непреодолимой преградой для легкой азиатской кавалерии. В здешних местах погибло множество кипчаков, половцев, в общем, басурман.

Непринуждённо болтая, друзья вышли к берегу неглубокой, спокойной и удивительно чистой речушки, которая из-за густо раскиданных по ней островков походила на самые настоящие плавни.

– А вон и моя фазенда, – Жэк указал на довольно большой дом, красовавшийся на отлогом берегу, одним углом увязший в лесу огромных подсолнухов.

Место было действительно красивое, ничего не скажешь. И «фазенда» выделялась из общей картины саманных мазанок своей бревенчатой, очень богатой для этих мест, конструкцией с настоящим мезонином. Но Рожнов не спешил изливать восторги по этому поводу: пожием – увидим.

Галя, – довольно пышная Женькина жена, его старенькая мамаша и трое сорванцов встретили гостя приветливо, без излишней настороженности, с какой обычно приглядываются к городским. Сразу же собрали обед и кроме изрядного количества разносолов на стол водрузили объемистую бутылку с настоящей украинской горилкой.

Стол ломился от блюд со студнем, рыбой горячего копчения, фаршированных кабачков, солёных арбузов, помидоров, огурцов, патиссонов, цыплят в соевой подливке и прочей объедаловки. Глаза прям-таки разбегались. Можно подумать, хозяева ждали не одного гостя, а целый московский гарнизон. Но обилие еды никогда ещё никому не помешало. Тем более, стол обосновался прямо в яблоневом саду. И ароматы созревающих яблок явно разжигали без того уже разгоревшийся аппетит.

Сами хозяева ели-пили умеренно, зато Родиона потчевали наперебой. Не желая обижать хлебосольных хозяев, он довольно быстро нагрузился всякой всячиной, запивая еду первоклассным самогоном и сладкой, но хмельной медовухой.

Вскоро гостя непреодолимо потянуло в сон. Поспать с дороги – милое дело! Постелили Родиону на веранде, где вся обстановка располагала к безмятежному спокойному отдыху. Едва добравшись до широкой кровати, пахнувшей чистым бельем, свежим сеном и земляникой, прибывший москвич провалился в сон.

...Проснулся Родион, от странной дрожи во всём теле, будто снова оказался вместе с Женькой в заснеженной Таймырской тайге, хотя ночь была довольно светлой и теплой. Решив встать и немного размяться, чтобы как-то согреться, Родион вдруг замер от окатившей его волны ужаса: мимо веранды бесшумно плыл над землей огромный человек!

Потом, немного уняв разгулявшиеся нервы, Родион сообразил, что человек был обычным, а вовсе не выходцем с того света. Просто он был обнажён, и свет украинской ночи сотворил эту потрясающую иллюзию. Рожнов решил все-таки взглянуть на новоявленного лунатика и осторожно, пытаясь не слишком шуметь, выскользнул во двор. Мандраж в коленках давно прекратился, уступив место простому человеческому любопытству.

Обогнув дом, Родион увидел на полпути к реке, у грядок с какими-то фосфоресцирующими цветами, Женьку, который стоял, неестественно вывернув ладони и запрокинув голову к звездному небу. Несмотря на странную позу, а, может, именно поэтому он казался парящим над землей. Давешний комок жути снова стал расти где-то между печёнкой и поджелудочной железой, заполняя всё его существо. Родион попятился в подсолнуховые джунгли, несколько успокоившись за их неширокими, но надежными спинами. Между тем Женька ожил, медленно провел ладонями по лицу, будто умылся, и, не спеша, направился к дому, бормоча какие-то слова на неведомом языке. Проходя мимо, не останавливаясь и не поворачивая головы, он бросил:

– Ночью надо спать...

Родион долго еще стоял в подсолнухах ошеломленный под впечатлением увиденного. Но потом, решив, что утро вечера мудренее, последовал совету своего друга-лунатика.

После приключенческой ночи Родион провалялся в кровати все утро. Сознание, что не надо никуда спешить, бежать по делам, суетиться, позволяло расслабиться и забыть обо всем на свете, кроме уютной постели на прохладной веранде. Понемногу вспомнились ночные события, которые сейчас, при дневном свете, казались чем-то далеким, нереальным. Родион решил не торопиться с расспросами и всю инициативу предоставить хозяину «фазенды». Если же он ничего не пожелает рассказать – так тому и быть, поскольку назойливых никто не любит в подлунном.

Женькина жена колдовала у плиты в летней кухне и по двору растекались ароматные запахи скорого завтрака. Увидев гостя, Галина скрылась на мгновение в глубине кухни и вынесла невероятных размеров пушистое полотенце.

– Живо на речку и завтракать, – распорядилась она. – Евгений зараз с пчёлами управится и тоже будет.

Родион не заставил себя упрашивать, ведь купание в тутошних, тихо журчащих под летним солнцем речных омутах, гораздо лучше, чем в чуткой, но металлической вибромассажной московской «проруби». С разбегу, плюхнувшись в прозрачную – родниковой чистоты – воду, отфыркиваясь, он поплыл к недалекому островку, возле которого разрослась колония одолень-травы, именуемая на Московии «Кувшинкой обыкновенной».

Если так дальше пойдет, Родька сам скоро всех иногородних примется с ядовитой усмешкой величать «москалями» и гуторить о ценах на горилку не хуже любого местного хлопчика.

Вся семья уже собралась за столом, но завтракать не начинали, поджидая дорогого гостя. На столе, среди многочисленных тарелок и мисок, красовалось большое блюдо с медом, над которым вились беспокойные пчелы. А младший из Женькиных сыновей изредка махал деревянной ложкой, не давая непрошеным нахлебникам приземлиться на ароматных ими же созданных медовых сотах.

Среди разносолов, заполнивших стол, отвоевали себе место фаршированные перцы, пересыпанные разноцветной зеленью, запечённая в кляре рыба, политая зелёным гуттаперчевым соусом, солёные арбузы, покрасневшие от стыда раки и целяковые кочаны маринованной капусты. Но самым изысканным блюдом на столе были, конечно, угри, обвившиеся вокруг здорового гуся с напиханными в него яблоками.

– Ну, вы даёте, хозяйева, – покачал головой гость. – Таких угощений, признаться, даже в лучших ресторанах не всегда увидишь.

– А на обед, – вставил подоспевший Евгений, – на обед явится барашек в самом лучшем виде. А хочешь, и в собственном соку. Согласись, на Москве никогда и нигде настоящих деревенских кушаний не отведаешь.

– Это точно, – согласился Родион. – После такой еды мне, боюсь, и уезжать не захочется.

– Не вопрос, – сразу отреагировал Евгений. – Я тебе уже рассказывал о московском композиторе, купившим здесь дом. Потом покажу.

– Дом или композитора?

– Ладно, не зубоскаль. Пора трапезничать.

После завтрака Родион решил было покататься по живописным речным заводям на небольшой плоскодонке, нашедшей приют неподалеку от дома, но Женька его удержал.

– Разговор есть, – сказал он, внимательно поглядывая исподлобья.

– Давай, – согласился Родион, предчувствуя, что «разговор» должен затронуть интересные обоим темы.

– Ты по ночам часто гуляешь? – издали начал Евгений.

– Да нет, так как-то... – отмахнулся Рожнов. Просто я с дороги к тому времени отоспался, да и место, скажем так, чужое. Ведь тело сразу ко всему не приучишь. Или я не прав?

– Прав, прав. Значит сегодняшняя ночная прогулка – просто случайность? – не отставал он.

– Слушай, что тебе от меня надо, в конце концов? – вскинулся Рожнов.

– Стоп, не будькай. То все без нас решили, – загадочно обронил Женька и пошел, насвистывая, к одинокой бесхозной плоскодонке.

– Жэк, подожди! – крикнул Родион. – Куда же ты?..

Однако, Евгений никуда не собирался удирать, просто ждал Родиона в надводной посудине. В несколько гребков они оказались далеко от спокойной сизо-серой заводи, где жила лодка. Женька направился к главному устью, что было задумано заранее. Ему хотелось показать другу всю, ещё не разрушенную прогрессом, красоту удивительной реки.

Плоскодонка стремительно подлетала к понтонному мосту. Прямо по курсу, облокотившись на перила, стояла принцесса. Нет, это Родиону вовсе не показалось, потому что в таких заповедных местах на понтонных поплавах способны разгуливать запросто только сказочные принцессы. Её пунцовое, всё в тонких кружевах ручной работы, бальное платье с глубоким декольте казалось принадлежностью нездешнего мира. Во всяком случае, тутошние дивчины, то бишь коханочки, никогда ничего подобного не одевали и вряд ли сподобятся. Но хрупкая фигурка владелицы платья никак не связалась в воображении Рожнова с аппетитными наливными формами украинок. Видимо, на его физиономии отразилась такая гамма чувств, что Женька резко оглянулся, а бедная плоскодонная посудина недовольно заворчала уключным языком, и чуть было не хлебнула одним бортом. В следующую секунду посудина благополучно отвернула от понтонного моста, но вслед лодке – Родион это знал, чувствовал, угадывал! – глядели почти испанские глаза незнакомки.

– Какие девочки у вас водятся, однако! – делано хмыкнул он.

Евгений угрюмо греб, демонстративно не реагируя на вызывающие к откровению плоские восторги, хотя раньше сам был не прочь посплетничать о женских прелестях...

– Приехали! – нарушил молчание Евгений.

Лодка ткнулась рылом в дряхлый берег какого-то острова. Рукава тутошней реки разделились на множество протоков, сливающихся где-то снова в один поток. Но здесь была копия Финских шхер, только мелко-пресного масштаба.

– Старик, а всё-таки кто эта заколдованная королева? – не отставал Родион.

– Помолчи, – огрызнулся его друг.

Оставив лодку, они прошли вглубь острова меж дремучих трав и огромных папоротников. К удивлению в середине острова стоял шалаш, который, казалось бы, можно увидеть с берега, но это только казалось. Место было явно обжитое, поскольку трава вокруг шалаша пожухла, примята чьими-то башмаками. В десяти шагах от входа ещё тлел костёр, банки неподалёку громоздились аккуратной кучкой, что служило хозяину шалаша доброй рекомендацией.

На деревянном столике чинно примостились кружки, ножи, всякая посуда и эмалированная железная хлебница. Родион не утерпел и открыл крышку. В хлебнице оказался настоящий свежий хлеб. Значит, здесь кто-то действительно живёт? Уж не та ли незнакомка с понтонного моста? Хотя женщиной здесь и не пахло. Известно, что любое место, где живёт женщина, присваивает себе её запах, который нельзя спутать ни с одним из миллиардов других.

– Пригнись, – приказал Женька, подходя к шалашу, – сюда не суются ни стар, ни млад, ни всяк хозяин.

– Что так? – подыграл ему Родион.

– У нас каждый остров свою историю имеет, – нехотя ответил Женька.

– Значит, и у этого есть своя. Так? – настаивал Рожнов. – Иначе бы не привёз меня сюда.

– Так, – кивнул его приятель. – Этот остров – убийца. У нас его так давно уже величают, и названия менять пока никто не собирается. Потому-то и жить на нём нельзя.

– Вот как? Кого ж он убивает?

– Всякого, кто является с дурной мыслью, – бросил Женька, стараясь придать голосу безразличие. – Надеюсь, слышал, что возможность и умение умереть – это завоевание человечества, без которого люди не смогли бы существовать, потому что жертва равна Богу во всём.

Родион так и сел.

– Ты что, устроил мне тест на пригодность? – зашипел Рожнов. – Откуда тебе знать дурные у меня мысли или нет? Какого лешего? И ещё, ты каждого здесь обучаешь умирать, чтобы стать равным Богу? Может, я не готов пока к таким мистериям. Ты об этом не подумал?

– Успокойся, – улыбнулся Евгений. – На тебя дано разрешение.

– Спасибо, дорогой! Обрадовал. И кто же на меня выписал лицензию, если не секрет? Уж не твоя ли принцесса на горошине? Она здесь живёт?

– Что ж тут удивительного? – пожал плечами Женька. – Каждый живёт там, где ему нравится. Почему бы принцессе не пожить на «убивце»? Здесь никто не тронет, сюда никто не сунется. Чем не замок для принцессы? – Женька явно провоцировал Родиона.

– Здесь никто не живёт, – отчеканил москвич. – Во всяком случае – женщина. Нюх меня ещё никогда не обманывал.

– А кто сказал, что это – человек? Любой, ставший оборотнем, в состоянии превратиться в волка или там ещё в кого – ему виднее. А если волк станет оборотнем, сможет ли он принять образ человека, тем более красивой женщины? Вот в чём вопрос.

Женька замолчал, сел, закурил какие-то вонючие сигареты, уставился в одну точку. Родион поневоле поёжился: вдруг у его дружка крыша поехала в этом буйном растительном мире? А что, очень даже запросто. И оборотни – это не сказка и не досужие выдумки или мистика. Скорее всего, с Женькой случилось что-то нехорошее, недаром ночью он говорил на непонятном языке и выполнял мантрические пассы руками.

– Не беспокойся, – голос приятеля зазвучал по-прежнему ясно и четко. – Не думай, я не шизик. И звал тебя просто отдохнуть в наших краях по полной программе, а не нагружать потусторонними идеями. Так что отдыхай, оттягивайся. Хочешь на рыбалку?

Пока Рожнов соображал, соглашаться или не стоит, Женька распалил костёр, принёс из плавней воды в котелке и принялся хозяйничать со сноровкой профессионального кашевара. Вода в котелке быстро закипела. Евгений засыпал туда из бумажного пакета какую-то крупу и подкинул в костёр мелких дровишек, сложенных неподалеку в поленницу.

– Слушай, Жека, а твоя принцесса, случаем, не внучка Владимира Ильича? – ядовито поинтересовался Рожнов. – По истории он мировой революцией из шалаша руководил, так что для внучки в самый раз учение из шалаша в жизнь проталкивать.

– С милым рай в шалаше, если милый – атташе, – буркнул Женька. – Накладывай каши, сварилась уже. Здесь – это самая лучшая еда. Ты в шахматы играешь? – вдруг ни с того ни с сего спросил он.

– Да. Это важно?

– Очень, – Женькино лицо снова озарила улыбка. – Любое умение не даётся просто так. Если человек что-то освоил, то никто этого у него не отнимет. Ведь так?

Он еще немного посидел, уставившись в одну точку, дожидаясь, пока московский гость доест кашу, выскребая её из алюминиевой миски, загасил вонючий окурочок, посмотрел на Родиона отрешенным взглядом и, больше ни слова не говоря, пошел к лодке.

– Ты все же, может быть, поведаешь мне какую-нибудь страшную историю, связанную с этим местом, – попросил Родион, уже сидя в лодке. – Небось, прячется принцесса от Синей Бороды или Кашея Бессмертного? Или от террористов мирового масштаба, навроде Бени Ладена? Может, он себе в гарем такую наложницу заполучить желает? Девушка эта ясно, не Венера, но нечто очень притягательное в ней проглядывается даже через красное бальное платье. Не молчи, поведай мне о незнакомке, и зачем я ей понадобился.

– Что совсем невтерпеж? – усмехнулся Женька. – Она сама тебе всё и расскажет. Понравился ты ей. Скажи лучше, ты как к старообрядцам относишься?

– Вот те раз: то шахматы, то старообрядцы!.. – Родион был явно сбит с толку. – Что-то заносит тебя, старик. Не находишь?

Женька ничего не ответил, лишь улыбнулся. И в этой безобидной улыбке вдруг промелькнула тень давешнего друга, который не раз выручал Рожнова в блужданиях по тайге. Которого сам Родион однажды тащил на спине к геодезической базе возле Уральской Лыбытнанги. Тогда Родион впервые услышал от обмороженного, отбивающегося в горячке Женьки бормотание каких-то непонятных слов.

Слова! Именно слова! Что-то похожее Женька говорил вчера ночью!

Это внезапно свалившееся открытие заставило Родиона сжаться, превратиться в пружину, как в тайге, когда опасность может подстергать за ближайшим косогором. В экспедициях выживают сильнейшие. Для остальных – это «табу». И не без дела бродили они с Жэкой по закоулкам России, исколесили пешком полстраны! Всё во благо Военного Министерства. На Родину работали.

– Остынь, – Женька, как и прежде, остро чувствовал любое настроение приятеля.

Это Родиона опять немного расслабило. Ведь не стал бы Евгений приглашать давешнего друга для... А для чего? Он прислал письмо, просил приехать. Срочно приехать. Об отдыхе, рыбалке, грибах не было сказано ни слова. С чего же Родион решил, что едет на пикник? Нет, здесь явно что-то не так.

– Не так, – согласился Евгений.

– Ты что, научился читать чужие мысли? – прищурился Рожнов. – Тебя новая знакомая обучила мистическим способностям?

– Иногда получается само собой. Но сейчас не надо быть особым прорицателем – у тебя все на лице написано.

Рожнов не нашелся, что ответить, и остаток пути приятели проделали молча. Понтонный мост был уже пуст, а на берегу не видно ни одного рыбака. Вечером Женька пригласил друга прогуляться, разогнать, так сказать, тоску. Тёплый сумрак был заполнен духмяными запахами цветущих трав, свежескошенного сена и много чего другого, так что отсиживаться за стенами не хотелось.

– Кстати, может, и твою прекрасную даму встретим, влюбленный пингвин, – поддел Женька.

– Стареешь, брат, стареешь, – парировал Родион. – Ты, оказывается, в сваты подался, и меня за этим в свои края выманил? Девочка совсем не против поселиться в столице, тем более, у тебя там дружбан на выданье, то есть, я и к тому же холостой. Пуркуа бы и не па, как говорят лягушатники.

– Ага, угадал, – согласился Евгений. – Ну, прям в десятку!

Деревенская молодежь чинными стайками фланировала по пыльным улицам, но друзья свернули с более многолюдных мест к понтонному мосту, который в подступившей темноте казался ещё более чёрным на чёрном зеркале тихой реки с серебристыми крапинками звёздных отражений. На середине моста, на том же самом месте, маячило пурпурное платье давешней незнакомки.

– Это она? – неуверенно спросил Родион.

– Не видишь, что ли? Нас ждёт, – Женька уверенно шагнул на мост.

– Прям-таки только нас и ждёт.

– Ты же говорил, что играешь в шахматы.

– Причём тут шахматы? – откровенно удивился Родион. – Ты, надеюсь, не станешь меж нами устраивать турнир? Если ей жених нужен, то нечего в бирюльки играть. Турнир оставь для избранных.

– Ты и есть избранный, – сдержанно ответил друг.

Не сбавляя шага, они протопали по деревянному настилу для машин, положенному поверх металлических поплавок, и через несколько мгновений стояли возле «пурпурной» девушки. В темноте её лицо казалось много старше, но никакая темнота не приглушила блеск золотой цепи и креста на груди.

– Янга, это Родион, – окликнул её Жека. – Я позвал – он приехал.

Та грациозно наклонила голову, но в облике незнакомки ещё сильнее проступила неугаданная строгость, причудливо смешанная с торжественностью.

– Тот самый? – голос девушки походил на журчание весеннего ручейка, радующегося первому жаркому солнышку, беззаботной перекличке птишек.

– Да. Тот самый.

– Ты ему всё рассказал? – спросила она Евгения, хотя глядела только на Родиона.

– Нет. Я просто не смогу доходчиво, – оправдывался Женька.

– Ну что ж, – вздохнула она, – мужчины всегда перекладывают самую трудную и неприятную работу на женские плечи.

– Может быть, мне посчастливится вас от этого избавить? – поспешил высказаться Родион. – Я мальчик понятливый.

– Может быть, может быть... Играете вы в шахматы?

Дались же им шахматы! Можно подумать, я только этим и жил. Не лучше ли было бы поискать подопытного кролика среди гроссмейстеров или хотя бы любителей оной игры?!

– Не лучше, – ответила девушка на незаданный вопрос. – Поверьте, мы интересуемся не из праздного любопытства. Если спрашиваю я и Евгений, который вам надоел этими допросами, то именно по причине шахмат и состоялась наша встреча.

– Играю, – неохотно сознался Рожнов.

– Отлично, – обрадовалась Янга. – Тогда вас ожидает интереснейшая партия в вашей жизни. И ещё: вы православный?

– Женька у меня уже выяснял насчёт старообрядцев, – уклончиво ответил Родион. – Вы из этой команды? Недаром на груди у вас наперсный крест, как у священника.

Крест у девушки был несколько большего размера, чем обычный нательный. Янга машинально потрогала его и улыбнулась.

– Да, крестик у меня не совсем обычный. Он восьмиконечный. Такие не носит сейчас никто, кроме монахов-схимников и старообрядцев, а зря. Это настоящий неусечённый крест. Но разговор пока не о том. Если интересно будет, то мы продолжим разговор когда-нибудь. А сейчас вы должны, нет, просто обязаны обучиться игре в наши шахматы.

Поверьте, не всякий способен донести принцип игры людям, увлечь, пристрастить, а вам это по силам. Не знаю как, не знаю, захотите ли, но вы оказались в числе избранных. Если всё получится, то выиграет вся планета. Я не шучу – действительно вся.

С этими словами она достала из сумочки какую-то плоскую дощечку, встряхнула её, и та раскрылась, как китайский фонарик. Фонарик этот продолжал увеличиваться в объёме, пока не превратился в довольно большой куб, издававший тихую музыку и слабое свечение. Вдруг в нём что-то полыхнуло, он стал прозрачным, и одновременно внутри обозначился геометрический рисунок.

Родион подошел ближе и увидел, что всё пространство куба занимают прозрачные шахматные поля. С одной стороны, в основании, были расставлены фигурки синего цвета, казавшиеся живыми. С другой – на самой верхней из досок – фигурки ярко-жёлтого цвета.

– Как вам нравятся наши трехмерные шахматы? – голос Янги вынырнул откуда-то сбоку и вернул Родиона к действительности. – Самое важное в этом мире не просто найти нужного человека, а чтобы и его тоже выбрали. Ведь постоянно с самых молодых лет женщина ищет своего принца, а тот – родную сердцу половину. И если такого не случается, то семья не скла-

дывается. Ведь так? Но это касается не только людей, а всего окружающего нас мира. Потому что только в единстве с природой человек может жить, развиваться, творить, дарить другим радость бескорыстно. Просто потому, чтобы дарить, забывая о ненависти, зависти, жадности, обидах и прочих мерзостях. Кажется, человек никогда не способен избавиться от чувства злобы, но этому могут научить наши шахматы. Вы поймёте, что всё выглядит именно так, как я предсказываю, надо только понять их суть.

– Как же в них играть? – Родион был заинтригован.

– Так же, как и в обычные двумерные. С той только разницей, что фигуры ходят по диагонали снизу вверх и сверху вниз. Но у них большая разрешающая способность, поскольку кроме ходов по диагонали и вертикали они могут использовать и горизонтальные поля, как в обычных шахматах. Вам предстоит разобраться в этом и обучить игре землян, то есть обитателей внешнего мира. У тех, кто освоит эти шахматы, постепенно активизируются и остальные девяносто три процента мозга, которые у людей, населяющих эту планету, используются пока довольно неэффективно.

– А точнее – наш мозг пребывает в сонном состоянии, – добавил Евгений.

– Но кто же вы? – поразился Родион.

– Не бойсь, они не лунатики – пояснил Евгений. – Такие же Божьи твари, только живут в параллельном мире, как, скажем, в соседней комнате или городе.

Я с ними в Челябинской области познакомился, хотя их страна немного северней находится. Помнишь, мы с тобой топографическую съёмку делали на Сынташте возле Аркаима?

– Так они оттуда, с Южного Урала? Действительно, там были какие-то археологические раскопы этого самого Аркаима, доисторической столицы царства Десяти городов! – вспомнил Рожнов. – Тамошние, археологи пищали от удовольствия, но никаких посёлков, тем более, жилых городов в округе не было!

– Я же говорю, они из параллельного мира, – наставнически загнусавил Евгений. – Представь себе Зазеркалье, но не то, которое непосредственно в зеркале, а попробуй заглянуть за то, что ты видишь.

– То есть, увидеть обратную сторону монеты, не поворачивая? – нахмурился Рожнов. – Бред какой-то.

– Поверь, во Вселенной мы не одни, – снова подал голос Евгений. – И параллельный мир существует, причём тоже не в единичном варианте. Есть Зазеркалье, есть просто Потусторонний мир, а ещё где-то существует Царство Теней и Тень Царства. Чтобы тебе было понятней, представь Вселенную в виде книги, где буквы и слова одинаковые на всех страницах, но страниц очень много.

Когда буква, то есть человек, уходит в другой мир, это значит только то, что он исполнил своё предназначение здесь, и настало время развиваться дальше.

Если люди в нашем мире научатся общаться с себе подобными, то сумеют подключаться к Вселенской биологической энергии и поймут смысл существования.

На Урале, когда мы там работали, я случайно угодил в «контактёры» и тогда выбрали меня. Кстати, именно из Аркаима за много веков до нашей эры проистекали прорывы сознания, распространяясь по земле, несмотря на войны и прочее душегубство. Это колыбель всемирной цивилизации. А сейчас тебя выбрали примерно по тому же принципу, как королеву на бал в Булгаковском «Мастере»: кто-то не подходит, у кого-то имя не то, а иные просто пни трухлявые. В общем, ты оказался у меня под рукой.

– А вы? Вы действительно из параллельного мира? Или инопланетяне? – в голове Родиона уже роились тысячи вопросов, но Янга подняла руку.

– Когда-то наши предки часто посещали Землю, ведь земляне и мы – дети одного Вседержителя, хоть и живём в разных концах Вселенной. Наша цивилизация старше и пыталась, поэтому помочь людям безболезненно пройти путь к зрелости, то есть, к проникновению в

Зазеркалье – параллельный мир или же на другую планету – тоже параллельный мир, но уже с материалистической точки зрения. К сожалению, нас воспринимали либо как богов или же как «рогатых».

Наши предки слишком рано решили познакомить землян с энергией космоса. В результате целый материк вместе с людьми, и животными оказался под водой, а планетная ось повернулась на тридцать градусов. Этот материк находился тогда в районе Северного полюса и носил название Арктида. Переселенцы спустились южнее по Рипейским горам, делящим земной шар на две половинки. Именно там должен быть нулевой меридиан, хотя бы потому, что Аркаим возник за много тысяч лет раньше Гринвича. К тому же, Рипейские горы соединяют Европу и Азию, как две половинки мозга в человеческой голове.

Обратите внимание, я не хочу разделить наши цивилизации на две разных. Повторяю, все мы дети одного Вседержителя. Однако некоторые из людей здесь на Земле пошли по тоталитарному пути развития, то есть через насилие, рабство и войны. Это потомки архантропов. Они даже цветом кожи от остальных отличаются, хотя сейчас всё население планеты давно перемешалось. Но мы не можем жить в мире, где царствует насилие.

Теперь же мы решили исправить промах разделения, ибо помогать друг другу надо до конца, или вообще не вмешиваться. Мало ли что ваш народ пока не понимает нас. Если захочет понять – поймёт. Суть предельно проста: навсегда отказаться от насилия в любом виде. Недаром приходил к вам Христос и говорил: НЕ УБИЙ! И ещё: СУДИТЕ МЕНЯ ПО ДЕЛАМ МОИМ!

Это надо понимать только буквально, без всяческих оговорок, оправданий и условностей, разрешающих убийство!

Если люди научатся жить любовью, дарить радость и ничего не отнимать, то развитие пойдёт совершенно по иному пути. То есть, в какой-то момент наступит критический апогей, после которого человек просто не сможет жить в злобе и насилии. И первым шагом к этому, первой наукой могут оказаться наши шахматы. Но играть в шахматы должен научить людей житель вашего мира – только так не будет нарушена ментальная оболочка планеты и не произойдёт новой катастрофы. Подумайте, готовы ли вы и сможете ли рассказать ближним об этой простой мыслительной игре, дающей право на достижение вселенского разума?

Она замолчала. Родион как завороченный смотрел на светящийся шахматный куб. Тысячи идей уже роились в голове, но пока ещё не сложились в строгую шахматную структуру.

– Так вы из какого-то другого мира? – неуверенно спросил Рожнов. – То есть из Зазеркалья?

– Во-во! – обрадовался Женька. – Точно! Из Зазеркалья! В Рипейских горах, на Среднем Урале, есть удивительное место. Его иногда величают Кунгурским треугольником. Слыхал?

– Такой же, как и Бермудский?

– Примерно такой же, – утвердительно кивнул Женька. – Только много круче. В Бермудском пропадают, и будут пропадать всякие технические аппараты, а в Кунгурском никто и никогда не пропадёт, потому что Урал далеко от шумных проезжих дорог. Только масонская братия всех стран переполошилась, потому как в таких треугольниках на земле существуют переходные мосты в иные миры, где можно на халяву урвать энергию покорения нашего мира. Узнав о Рипейском Зазеркалье, воинствующие рыцари кинулась искать туда дорогу.

– Не нашли?

– Чего не нашли? – не понял Женька.

– Ты говоришь, – терпеливо объяснил Родион. – Масоны рыщут по России в поисках дорог в Рипейское царство. Так нашли или нет?

– Отвали, – обозлился Женька. – Если б нашли, тебя никто вызывать не стал бы. Просто некому было бы.

– Я думаю, – вмешалась Янга, – вам надо побывать у нас. Ведь недаром же оказались в числе избранных. Получится у вас с шахматами или нет – неизвестно. Только посетив нас, вы сможете понять структуру человеческого развития, то есть, что такое человек, роль цивилизации, в чём смысл жизни вообще.

После этих слов девушки, у Родиона по спине бегали колючие мурашки, будто кто-то сыпанул за шиворот пригоршню снега. По словам Янги, выходило, что все мы в этом мире живём как-то не так и не затем. А зачем же? Неужели кто-то способен раскрыть тайну появления человека и всего сущего? Многие пытались это сделать, но пока ещё ни у кого не получалось. Неужели же люди из Зазеркалья знают, как надо использовать подаренную Всевышним жизнь? Неужели только теперь решили поделиться со своими недоразвитыми разлюбезными соседями? Чепуха какая-то.

– Нам пора, – Женька тронул Рожнова за рукав, – остальное я тебе доскажу дома.

Поднимаясь по дороге к селу, Родион оглянулся. Янга в пурпурном бальном платье всё ещё красовалась на мосту, вырывая своим сияньем сгусток у налетевшей ночи.

Вернувшись с Украины, Родион пытался в Москве довести идею кубических шахмат до заинтересованных лиц, но его лишь послали по известному адресу.

Рожнов невольно вспомнил, что недавно Ксения, его новая знакомая, тоже упоминала об Аркаиме, обнаруженном археологами в середине восьмидесятых. Горя глазами, она поделилась новостью, будто бы древний город находится где-то на юге Рипейских гор возле Магнитогорска, и этот археологический раскоп чуть не утопили совдеповские прорабы стройки, перестройки и недостройки во время смутного времени в девяностом году. То есть всю долину хотели превратить в очередное водохранилище, да археологам удалось отбить памятник от уничтожения. Родион чуть не похвастался, что сам работал в геодезической партии недалеко от найденного города и что у него имеются некоторые подробные сведения об Уральско-Рипейском нагорье, да вовремя сдержался.

Ксюша, кажется, не играет в шахматы, но не в шахматах дело. Девушка так блистательно рассказала о спасении Аркаима, столицы Сибирского царства Десяти Городов, так блестели её глаза, что Родион невольно пожалел тогда о своей давнишней семейной несвободе. Эх, Ксения, появилась бы ты сейчас!

– Тьфу ты, – сплюнул Родион. – Дурь какая лезет в голову.

Нет, пить надо меньше, меньше надо пить! А Ксения? Откуда же она появилась? Ах, да. Она появилась в отделе в связи с появлением статейки в любимой внутривоздушной газете «На страже». Кажется, у генерал-майора она брала интервью, но поразила девушка Рожнова не своей журналистской хваткой, а совсем другим.

Оказывается, у женщины мозги могут находиться там, где им и положено быть. Но в то время на дороге стояла Танька. А сейчас? Сейчас Таньки уже нет, но и Ксюша исчезла. Родион подозревал, что девушка не замужем, хотя слишком юной её назвать было никак нельзя. Однако девушка бесследно испарилась, кого же в этом винить?

По радио очередной романс пел Николай Караченцев.

...За окнами опять танцует вьюга,
и чьи-то искры в танце улетают.
Как жаль, мы не увидели друг друга.
Зима любви пришла, чтоб не растаять...

Это уж точно. Зима любви пришла, чтоб не растаять. Нежданно! Негаданно!

Собственно, почему негаданно? Ведь он сам не хотел никогда разобраться в своей семейной жизни, вот и получил на орехи. Но любой человек живёт, в тайне надеясь, что однажды

встретится какая-нибудь необыкновенная, единственная, желанная наподобие Ксюхи? Да уж, надежда умирает последней...

Глава 3

Пётр Петрович Краснов сидел у себя в рабочем кабинете красный, как варёный рак, и всё думал: почему же он просчитался? почему решил, что в эту ночь Рожнов будет на дежурстве? зачем попёрся к Татьяне, когда надо было решать дела чуть ли не государственной важности? Точно – бес попутал. Он мешал ложечкой поданный ему секретаршей «Капучино» и пытался привести мысли в порядок.

– Бес – само, бес – само – муччо..., – вдруг ни с того, ни с сего пробормотал он. – Тыфу ты, опять бес. Просто напасть какая-то!

Взгляд его мельком скользнул по дивану, и глаза невольно стали наливаясь кровью. Он нервно нажал кнопку селектора и очень спокойным, ласковым голосом попросил:

– Наташа, не могла бы ты ещё разок зайти ко мне в кабинет?

– Да, конечно, – ответила секретарша.

Дверь распахнулась, и в кабинете появилась улыбающаяся Наташка. Она подошла к массивному письменному столу, опёрлась руками о столешницу, чуть наклонившись вперёд, и завораживающе мяукнула:

– Не ожидала, что мой шеф разгуляется прямо с утра. Но я готова.

Краснов с улыбкой вышел из-за стола, потом схватил секретаршу за руку, и резко заломив её, потащил девушку к кожаному дивану. На чёрной коже почти неприметные валялись такого же цвета женские трусики.

– Это что, мразь? – прошипел Краснов. – Трахаешься с кем попало в моём кабинете, да ещё трусы забываешь?!

– Я... я..., – испуганно запищала Наташка. – Это не мои.

– Не твои! – зарычал Краснов и вдруг задрал Наташе юбку.

Может быть, секретарша и пользовалась иногда диваном шефа, но в этот раз трусики оказались на месте. Краснов тут же отпустил руку девушки и полез в карман за носовым платком, потому что его прошиб холодный пот. Наташка отпрянула и принялась массировать заломленную руку.

– Ладно, ты извини. Но кто это!!! И в моём кабинете!

– Я не знаю, – всхлипнула Наташа. – Я, правда, не знаю, – и она со слезами на глазах ретировалась в приёмную.

– Так, – майор тяжело опустился в кресло. – Это уже становится интересно.

Он выдвинул ящик письменного стола, бросил туда чёрные трусики и задумался. Выходит, кому-то дорогу перебежал. Кому? Рожнову? Да нет, у него мозгов на такое не хватит, он сейчас пожаром занят. Подполковник Наливайко Родиона никуда не отпустит.

Но капитан – ценная рабочая лошадка, а у лошади должен быть хозяин. Ничего, пускай лезут. Им до ящика всё равно не добраться. А если и доберутся, то не смогут отключить ретрансляцию. Здесь всё схвачено. Вот если Рожнов не погибнет и выберется из пекла, то предстоит разборка по поводу жены. Причём, бедняга даже не подозревает, кто она такая. А Татьяна настоящая женщина!

Краснов мечтательно закрыл глаза. Перед ним снова возникла прошлая бурная ночь. Майору снова было до одури приятно вспоминать происшедшее, несмотря на бесславный финал.

От сладостных дум его отвлек телефонный звонок. Наташа по селектору сообщила, что его по телефону добивается какая-то женщина. Сердце у Краснова на миг ёкнуло. Низкий бархатный голос он узнал сразу.

– Ну, здравствуйте, товарищ майор, – официально поздоровалась трубка женским голосом. – Что ж это вы проколы допускаете? Вам прекрасно известно, что нам сейчас ошибаться

нельзя. Категорически запрещено! Не забывайте, за одну свою, казалось бы, совсем незначительную ошибку человеку приходится отвечать всю оставшуюся жизнь. Вы, Пётр Петрович, офицер и настоящий мужчина, так что такие проколы, мягко говоря, непростительны.

Официальное обращение заставило Краснова вздрогнуть и лихорадочно искать оправданий своему ночному визиту к любовнице. Но нельзя же сваливать в одну кучу и дела, и личные отношения?

– Личные отношения не должны мешать поставленной задаче, – тут же ответила трубка, будто подслушивала промелькнувшие в голове мысли. – Они приходят и уходят, а общее дело остаётся. Если не выполним мы, так кто же?..

– Я постараюсь исправить положение, – пообещал майор. – Вы же знаете, я за вами в огонь и в воду и никогда не подведу вас. Даю вам слово офицера!

– Вы, Пётр Петрович, – отозвалась трубка, – напоминаете мне сейчас апостола Петра, который тоже клялся Иисусу Христу в верности. На что Сын Божий ему ответил: «Аминь, глаголю тебе, яко в сию ночь, прежде даже алектор не возгласит, трижды отвержешься Мене».⁴

– Да я и одинажды отрекаться не собираюсь, – снова покраснел Краснов.

– Вот и славно. Значит так: срочно – в Останкино, включить взрывной режим и усилить подачу сигналов на спутник. Кстати, вы не забыли, что обязаны порекомендовать кандидатуру Рожнова на выполнение задания?

– Уже сделано.

– Приятно слышать, – женский голос напоминал теперь мурлыканье кошки. –

Командование пожарного штаба в Останкино возьмите на себя. Я думаю, у вас всё получится.

– Слушаюсь, – майор от усердия кивнул головой, но трубка уже замолкла. Краснов вынул из ящика чёрные трусики и засунул их в карман кителя. Теперь он знал, чья это выходка, но заслужил. Факт. Мужчина должен уметь принимать свои проколы и держать удар, иначе рискует остаться без взяток в этой бескозырной игре под названием «жизнь».

Меж тем возле полыхающей задымлённой телебашни творилось что-то невообразимое. Подъезжали и отъезжали пожарные машины, правительственные «Волги» с крутящимися маячками на крышах, возле административного здания собрался целый консилиум очень и не слишком известных политиков, среди которых больше всех орал Жириновский. Такое событие он никак не мог пропустить: пожар! Настоящий! И не где-нибудь – в телебашне! Жирик тут же начал витийствовать перед жиденькой толпой зевак, но это шоу больше было ориентировано на журналистов, снимающих известного скандалиста на кинокамеры. История не должна остаться без впечатляющих свидетельств.

– Гляди-ка, Жирик даже здесь старается не упустить момент, – усмехнулся Рожнов. – Вот болтун, так болтун.

– Политика требует жертв, – отозвался подполковник. – Пёс с ним, пусть себе болтает. Я тут комбинезоны вытащил, – Наливайко показал на вместительный продолговатый ящик. – Шесть штук. Взял прозапас. От щедрот своих ребята из Раменского ЛИИ отвалили. Они же не только с испытателями занимаются, с космонавтами тоже.

– Неужели пожертвовали нам космические скафандры?

– Скажем так, полукосмические. Но выдерживают температуру до двухсот градусов. Так что теплового удара не будет. И кислородные компакты тоже они подарили.

– Здорово! – обрадовался Рожнов. – В башне придётся ползать по неизвестно каким дырам, а с большим кислородником не пролезешь.

---

⁴ Евангелие (Мф. 26:34)

– Ну, где пролезешь, а где застрянешь, – это нам сейчас один из конструкторов башни расскажет. Он живёт во-он в том доме, – Наливайко указал на жилой квартал. – Идём!

– Что ж, пошли, – кивнул Родион. – Надо так надо.

Ксюша, поднимаясь в лифте на десятый этаж, обнаружила, что сегодня, как назло, оставила ключ дома.

Звонок заливисто разливался соловьём. Дед, к счастью, оказался неподалёку и, открыв дверь, был сметён ворвавшейся как ураган внучкой.

– Ну, опять двадцать пять, – проворчал он. – Ведь взрослая уже, а врываешься, как будто стая псов за тобой гонится.

Старик закрыл дверь и отправился к телевизору, последние известия пропускать не следовало. Весть о подводной лодке «Курск» мгновенно облетела мир.

Естественно, что все НАТОвские спецслужбы и подразделения наострили уши. Шутка ли, атомная подводная лодка затонула в считанные минуты без видимых на то причин! Разнокалиберные отмазки и отговорки были явной лапшой для лопоухих. Но что же в действительности произошло? И можно ли ожидать чего-нибудь и где-нибудь в дальнейшем?

Дед поправил чёрный бархатный халат, в котором любил бродить по дому, и плюхнулся в кресло. Но сколько он ни щёлкал лентяйкой, сколько ни пытался вручную настроить телевизор, у него ничего не получалось.

– Дедуля, ты опять свежие новости про подводников выудить хочешь? – послышался голос внучки. – Не надоело?

– Ксюша, ты не права, – откликнулся дед. – Это событие мирового масштаба!

– О, Господи! – всплеснула руками Ксения. – Ну, сколько можно смотреть новейшие новости про новейших подводников? Ведь почти сразу было понятно, что никто ничего не сможет сделать. Зачем воду в ступе толочь?

– Ты ничего не понимаешь, Знатнова, – в голосе деда прозвучали упрямые нотки. – Твой ближайший родственник, между прочим, капитан гидрографа «Марс».

– Я знаю. Ну и что? – пожала плечами Ксюша.

– А то, – не унимался дед. – Гидрограф оказался первым на месте гибели подводной лодки. Потом, дядька твой даже по телефону мне рассказал, что там был «Прыжок кита». Так называется боевой маневр.

– Пусть «Прыжок кита», – не к месту улыбнулась Ксения. – Пусть сальто мортале, что с того?

– Иди сюда, – дед взял фломастер и на чистом листе бумаги изобразил подводную лодку, зависшую над морской волной. – Вот, – принялся он объяснять девушке. – Вот что это такое. Субмарина способна вылететь на несколько метров из воды, как прыгают дельфины и киты. Такой прыжок очень эффективен и может дать военное преимущество в момент сражения! Вся беда в том, что в апогее парения над волнами у всей команды без исключения пропадает на несколько секунд сознание. И «Курск», совершив прыжок, мог просто врезаться сам в подвернувшийся по случаю надводный корабль!

– Ну и что, дедушка, – терпеливо проговорила Ксюша. – Моряков уже не вернёшь. Понимаешь? Люди погибли, а ты «Прыжок кита», «Прыжок кита»! Что теперь об этом толковать?

– Ты что это себе позволяешь? – возмутился дед. – Их будут поднимать! Ведутся спасательные работы! А знаешь ли ты, какие «прыжки кита» приходилось твоему деду выполнять перед самой Великой Отечественной? И не здесь, на территории СССР, а в непроходимом Тибете. Там я впервые лицом к лицу столкнулся с людьми, считающими себя арийцами.

– И как впечатление?

– Не ёрничай! – обиделся дед. – Они, чтоб ты знала, были первыми белыми, допущенными далай-ламой к посещению Лхасы, а потом и Шамбалы!

– Ну и что? Мы историю на журфаке не изучали в таких подробностях.

– Не понимаешь? Или прикидываешься? – дед сложил пальцы щепотью, дабы втолковать внучке прописные, как ему казалось, истины. – Ведь жёлтые монахи открыли нацистам доступ к знаниям, как завоевать весь мир, властвовать над всем человечеством!

– Не очень-то у Гитлера это получилось, – ехидно заметила внучка. – Да и ты в органах служить не остался почему-то.

– Время было такое, – насупился дед. – Всегда надо исполнять то, что необходимо стране, а не лично кому-то. Тебе со своей колокольни сейчас всего и не рассмотреть. Но подводников всё равно поднимают! Ведь спасательные работы уже ведутся!

– Да, конечно ведутся, – кивнула Ксюша. – Сажу лучше, папа не звонил?

– А мы ему нужны? – саркастически огрызнулся дед. – Он умчался чёрта лысого искать на Южном Урале. Совсем помешался на обнаруженном археологами каком-то Аркаиме, столице царства Десяти Городов. Оказывается, в Западной Сибири за несколько тысяч лет до Рождества Христова существовала целая цивилизация! Умереть – не встать! А мы об этом, такие дремучие, не знали и не ведали!

– Вы другими вещами увлекались, дедушка, – улыбнулась Ксения. – Например, все Сибирские реки вспять повернуть, или вместо взорванного храма Христа Спасителя воздвигнуть Дворец Съездов с самым величайшим памятником отцу всех времён и народов. Но кроме бассейна в этом месте ничего тогда не получилось. А ты, дед, вместе с твоим Никитиным,⁵ решили реванш взять на Останкинской башне, отгрохать её такую! ну, такую высокую, чтоб выше всех! А зачем?.. БАМ построили: две параллельные дороги, которые всё равно в одну сливаются. Зачем? Я помню сказку чудную наш «Мосфильм» когда-то выпустил – «Огонь, вода и медные трубы» – помнишь? Так вот, там Кощей Бессмертный водит красавицу Алёнушку по своему царству и хвастается разными богатствами и чудесами. Показал он ей и дерево, что в саду росло. На нём все яблочки золотые, а листики серебряные. Так Алёнушка, дурочка такая вроде меня, тоже спросила: а зачем? Как ни странно, Кашей Бессмертный, не нашелся, что ответить. Как он не знал, зачем ему золото, так и вы не ведаете, зачем вы всё строите и в обязательном глобальном размере, чтоб всех переплюнуть. А зачем? Зачем вам история земли? Зачем знать про ангельские и какие-то inferнальные силы? Зачем нашли чудом уцелевший до наших дней Аркаим? Ты думаешь, в нашей стране всегда и все слушались только кнута, но, к счастью, немного ошибаешься.

– И ты туда же! Вся в отца! – опять заклокотал дед. – Замуж бы лучше вышла, чем философствовать по пустякам. Европейские социологи давно уже вычислили активный возраст женщины существует примерно до тридцати пяти. А ты, по-моему, давно уже эту планку переступила. Кажется, в прадедушки попасть мне так и не светит.

– Дед, я просила тебя эту тему не затрагивать?! – дрожащим голосом произнесла Ксения.

Вовремя поняв, что несколько перегнул палку, дед попытался вернуться в покинутую колею и двигаться на той же скорости по острию меча:

– Вот, даже телевизор на твоей стороне с ним что-то случилось. Ну-ка посмотри, может, я что-то не так делаю.

Девушка взяла «лентяйку», пощёлкала программами и подошла к телефону.

– Дедуль, я в нашу редакцию позвоню. Там куча телевизоров. Если что-то случилось, то наверняка уже знают. Потерпи малость.

Пока внучка набирала номер, дед снова принялся мучить телевизор, но толку не добился. Вдруг на экране возникла какая-то спортивная программа. Только это было совсем не то, что надо.

---

⁵ Никитин Н. В. – главный архитектор Останкинской телебашни.

– Что? – послышался встревоженный голос Ксюши. – В Останкино?! Пожар? Не может быть, я рядом живу, и ничего... постой-ка, – она бросила трубку и подбежала к окну.

– Что такое? – тоже встревожился дед. – Что случилось?

– В Останкино пожар. На телебашне.

– Не может быть! – дед тоже поспешил к окну и даже открыл створку. – Нет. Что-то всё-таки случилось. Гляди, там куча вертолётов и жуткий дым в сторону Марьиной Рощи.

– Вот это номер! – Ксюша прижала ладошки к вискам. – Если там пожар, то это шум на весь мир, как минимум.

– А максимум? – поддел дед.

– Ну тебя, – взорвалась девушка. – Переполошился из-за подводной лодки и безразличен к своему детищу. Вспомни, сколько лет ты на постройку этой башни угрожал? И я с тобой, как дура, на работу таскалась. У остальных детство как детство, а я в твою башню влюбилась. У меня там даже свои потаённые уголки были. Для кукол.

– Знаю, – кивнул дед. – Но там пожар исключён. Поэтому и не беспокоюсь. Ведь любое воспламенение на этом объекте практически невозможно. Думаю, что вся неразбериха из-за какого-то новомодного ГКЧП или ЧПГК. В общем, как ни назови, а дерьмо дерьмом останется.

– Почему ты думаешь, что ГКЧП? – поинтересовалась девушка.

– У политических перевёртышей мозгов больше ни на что не хватает, как на «Лебединое озеро». А в этот раз, видимо, вообще решили телевизоры поотключать.

– А радио?

– Попробуй, – согласился дед.

Ксюша принялась рыскать по каналам. Потом, для верности, надела даже наушники. Много времени на поиск не потребовалось, поскольку по всем ещё работающим программам сообщалось о возникшем в воскресенье на Останкинской телебашне пожаре.

– Дедушка! Пожар начался ещё вчера, двадцать седьмого! – глаза у Ксении и так огромные, заняли, казалось, пол-лица, ноги подкосились. – Вчера было воскресенье, но возгорание зарегистрировано только сегодня. Представляешь?

Ксюша присела на краешек стула. Дед тоже пока не мог вникнуть в происходящее, поскольку относился к ведущим проектировщикам и конструкторам Останкинской телебашни и считал, что объект спроектированным и выстроенным на века.

Нечего и вспоминать – это строение отняло у него большую часть жизни. Когда-то, в далёком незабываемом, Виктор Васильевич принимал деятельное участие в проектных разработках будущего фантастического монстра. Но самую активную долю в создании телебашни внесла Ксения. Виктор Васильевич очень долго не мог нащупать принцип конструкции башни. Знал, какой она должна быть, как выглядеть, но именно практических решений ему и не хватало.

Для создания макета он собирал множество пустых катушек из-под ниток, но как ни ставил их одна на другую, как ни прилаживал, конструкция каждый раз разрушалась. Занятием дедушки как-то раз заинтересовалась Ксюша. Она долго наблюдала за его напрасными попытками, а когда дед, плюнув в сердцах на очередную рухнувшую модель, отправился на балкон покурить, девочка сама принялась за деликатную работу.

Вернувшись в комнату, Виктор Васильевич остолбенел. Прямо посреди стола возвышалась башня, сложенная из множества пустых катушек. И – не падала! Ксюха, примостившись в уголочке, внимательно следила за реакцией деда. А тот сначала и двух слов не мог произнести от удивления, возбуждения и проснувшейся надежды.

– Ксюха! – наконец воскликнул он. – Ксюха! Как это? На чём она держится?! Как тебе удалось?

– Всё очень просто, – Ксюша попыталась изобразить скромность. – Я привязала к спичке крепкую шёлковую нитку, пропустила её внутри катушек и сверху прикрепила ко второй

спичке. Катушки, хоть их и много, уже не падают. А с боков я ещё пристроила несколько пустых катушек – вот и получилась башня.

– Ксюха! – радостно вскричал Виктор Васильевич. – Ксюха, ты гений! Надо же! И действительно просто!

– Но со вкусом, – с гордостью добавила внучка.

– Конечно! Конечно! – подтвердил дед. Потом на радостях кинулся целовать девочку, что в обычных условиях он себе не позволял.

Дедушка всегда был для Ксении примером подражания и любви.

Только жизнь постоянно бывает похожа на зебру, и чёрной полоской стал шестьдесят первый год двадцатого столетия. Все радовались полёту Гагарина, а Знатнов локти готов был кусать от злости и ненависти к лысому плясуну Никитке Хрущёву. Люди говорили за глаза, что будущий вождь заработал своё продвижение, развлекая товарища Сталина гопаком в присядку. Ну и выплясал себе должность Генерального секретаря ЦК КПСС.

Выплясал то он выплясал, а распорядился государством, прямо скажем, по-хамски. Недаром в его царствование началась очередная волна эмиграции. Только Знатнову, как ни странно, всё же удалось добиться подписания договора по созданию телебашни.

Два года вокруг утверждённого уже проекта велись дебаты и учинялись оппозиционные споры. Но не спорится дело лишь у того, кто ничего не делает. Свалился, откуда ни возьмись, могучий покровитель. Сам министр обороны товарищ Устинов оказал, так сказать доверие, помог в разработке и утверждению строительства.

Семижды семьдесят семь раз просчитывались сопроматные сдвиги. Потом конечные расчёты показали, что металлические канаты, стягивающие внутри огромную коническую трубу, могут разрешить игле башни раскачиваться в разные стороны на десять метров без каких бы то ни было последствий. А таких сказочных ураганов, способных свалить башню, в нашей стране не предвиделось на ближайший миллион лет.

Башня постепенно приживалась, приучала людей к своему существованию и неуязвимости также, как и великолепный «Титаник» во время постройки. В середине семидесятых наши «ударники социалистического труда» принялись за реконструкцию шпиля, поскольку Страна Советов должна, более того, обязана всех «догнать и обогнать».

Реконструировали, казалось, только с одной целью, чтобы русская телебашня превышала пятьсот пятидесятиметровый шпиль в Торонто. И здесь русские оказались на высоте. Победа!

...И вот теперь внучка сообщает, что в Останкинской башне пожар! Это просто не укладывалось в голове. Виктор Васильевич снова посмотрел в окно. Отсюда, с Новомосковской улицы, башня проглядывалась отлично. Суета вокруг неё была очень даже натуральная. Может, диверсия?

– Так. Я – туда. А ты чтоб дома сидела, – скомандовал дед.

Но привести приговор в исполнение так и не удалось, потому что надсадно затрещал телефон, будто дозванивалась нахальная междугородка.

– Знатнов слушает, – рыкнул в трубку дед.

Потом несколько минут он выслушивал что-то важное, о чём Ксения могла только догадываться, наблюдая за выражением дедова лица.

– Да... да... хорошо, – Виктор Васильевич повесил трубку и, тяжело вздохнув, плюхнулся в кресло.

– Дедуля, ты никуда не пойдешь? – как бы невзначай поинтересовалась девушка.

– Нет. Всякие гульбари отменяются, потому как к нам сейчас визитёры нагрянут. Причём нехилые. Так что давай-ка, внученька, в «протокол» переоденемся.

– Очень надо! – фыркнула Ксюха, исчезая в своей комнате.

– Так-то лучше, – согласился дед, избавляясь от любимого халата.

– Товарищ генерал, – деловито начал докладывать Наливайко. – Пожар в Останкинской телебашне начался ещё вчера, в воскресенье. Но датчики не сработали, да и подобных ситуаций вообще не предвиделось.

– Как так не предвиделось? – нахмурился Рубцов. – Чего ты «горбатого» лепишь? Какие гипотезы? Разгильдяйство? Диверсия?

– Исключено, – подполковник взял в руки исписанный лист из стопки документов, лежащей перед ним на столе. – Пожар начался на большой высоте и никакие террористы, либо просто психи туда проникнуть не смогли бы. Это установленный факт. А вот в этом документе говорится: загорелись фидеры на высоте около четырехсот пятидесяти метров.

– Фидеры – это что? – нахмурился Василий Фёдорович.

– Фидеры – это гофрированные медные трубы диаметром до десяти сантиметров, – с готовностью пояснил Наливайко. – Они, согласно проекту, заключены в пластиковую оболочку и связаны в пучки. Вся эта кабельная система тянется до самой верхушки башни. Огонь вспыхнул в шахте диаметром всего в полтора метра, а из-за тлеющих проводов на высоте, где нет уже ни одного пожарного датчика, никто даже не почесался до следующего дня. Потом заметили, но не сразу. Хотя протокольные отговорки уже изобретаются, утверждаются и предоставляются. Никому не хочется под такие молотки попадать.

– Но ведь огонь пополз вниз. Как это никто не заметил?

– Очень просто. В шахтах телебашни как раз предусмотрена прекрасная воздушная сила тяги сверху вниз. И кабели разгорались, можно сказать, весело.

– Придержи язык, – цыкнул Рубцов. – По сути, отсутствие предохранителей – вина нашего Министерства, а в частности Пожарной Авангардно-Спасательной Службы, то есть, отвечаем конкретно мы с тобой. Смекаешь?

– Не совсем так, – возразил подполковник. – Наша конкретная вина – это отсутствие на высоте порошковых огнетушителей. Хотя вряд ли они могли пригодиться, но надавить на останкинский руководящий состав мы, несомненно, были обязаны. Дело в другом. Органами ФСБ и спецназом по «Слежению за Полётами» там был установлен Ретранслятор, через который велась основная связь с космическими станциями и спутниками. Монтировали аппаратуру исключительно работники органов, игнорируя нас. Вот и вылезла эта самостоятельность сегодня боком. Может быть, хоть новый президент со своей питерской командой порядок наведёт, – вздохнув, добавил Наливайко. – Хотя доброты ему уже выдумали походную кличку – Перепутин.

– Вот в этом-то и беда наша, – поднял указательный палец вверх Василий Фёдорович. – Только в России, когда клюнет жареный петух, начинают воздевать руки, мол, приедет барин, барин всех посадит, то есть рассудит. Но никакие проколы не исчезнут, пока сами не научимся выпутываться. Ладно, докладывай дальше.

– Сегодня башня работать начала как всегда, – продолжил подполковник. – Даже ресторан открылся. Но очень скоро возникли сбои телепрограмм и радиопередач. Вот тогда-то все и переполошились. Началась эвакуация посетителей из ресторана «Седьмое небо» прямо по лестницам, потому как некоторые лифты отключились. Несмотря на тягу, пожар полз также и вверх. Во всяком случае, мне доложили, что кабели выгорели примерно на двадцать пять метров в высоту. ФЭ-ЭС-Бэшники тоже мандражируют. Они уже забомбили меня угрозами, к вам рвутся. Но я пока с возможной тактичностью пытаюсь удерживать эту оголтелую банду. Ведь любой дворник у них сразу – пальцы веером и морду лопатой выставляет. А нам некогда отношения выяснять.

– Это правильно, – кивнул генерал. – Но встречаться с ними всё же придётся хотя бы потому, что по вертушке уже звонил Георгий Хаценков, референт президента, просил срочно доложить. А что мы сможем доложить, ничего не зная про Ретранслятор?

– Верно, – согласился Наливайко. – Я думаю, если встреча неизбежна, но лучше – на нашей территории, чем у них в Управлении или у президента на «ковре». Собственно, некоторые уже по моему приглашению к нам прибыли, ждут в конференц-зале.

– Уже? – генерал пожевал губами. – Что ж, похвально, похвально. Только...

– Что, товарищ генерал?

– ...как думаешь, реально справиться с пожаром?

– Об этом я тоже успел поразмыслить, – просиял Наливайко. – Вы капитана Рожнова помните?

– Рожнов... что-то знакомое, – насупился генерал.

Ему явно не хотелось вспоминать несколько раз перебегающего генеральскую дорогу какого-то капитана.

– Рожнов внёс в систему пожаротушения уникальный направленный взрыв, – с готовностью напомнил Наливайко. – Нельзя сказать, что система эта нова, но уникальность её в том, что пламя тушит пламя. Иногда Рожнов для верности ещё применяет жидкий азот, только это в башне не сработает. Там реально его другое уникальное знание: спецэлектроники и конструкторских изобретений Военного Министерства, чтобы вовремя отключить Ретранслятор. Он сумеет, я уверен.

– Слушай, Антон, – генерал попытался придать голосу доверительность. – Ты сможешь этого Рожнова выудить и лично проконтролировать?

Подполковник ответить не успел, – в кабинет ворвался требовательный телефонный звонок. Поскольку из диспетчерской никогда бы просто так не побеспокоили, Василий Фёдорович деловито снял трубку.

– Алё... Алё... Что? Из ФАПСИ? Так... так... так...

– Что-то серьёзное? – полуутвердительно произнёс подполковник.

– Из ФАПСИ поступило сообщение: Ретранслятор стал посылать самостоятельные сигналы.

– В Космос? – ахнул Наливайко. – На спутники слежения?

– Вот именно! Ты словно предвидел, что отключение понадобится! Слушай, Антон, времени совсем не остаётся. Бери эМ-Че-эСовский вертолёт и дуй за Рожновым. Хоть из-под земли его достань! Оба срочно – к башне. Там рядом один из ведущих конструкторов живёт. Поэтажные планы возьмишь, только пусть старик проинструктирует вас о коридорах, шахтах, служебных и не служебных ходах выше четырёхсот метров. Конструктор поможет лучше любого чертежа. Если он ещё в форме, можете с собой прихватить. Ты понял, что нам сейчас из Управления Президента категорически запретили подпускать к башне всякую там оборонку, безопасность и иже с ними? Вот и отлично. Когда определитесь со Знатновым, позвони. Придётся докладывать либо Хаценкову, либо самому, – генерал кивнул на «вертушку»,⁶ где вместо телефонной цифровой клавиатуры красовался латунный герб Советского Союза... – Ладно, хватит разговоры разговаривать – пора дело делать.

На прозвонивший звонок дед откликнулся почти сразу. В прихожую вошли двое мужчин в форме... Представившись, гости сразу приступили к делу. С первых фраз стало ясно, что прибывших пожарников интересуют особенности в структуре Останкинской башни.

Ксения уже успела переодеться и решила вместе с дедом принять участие в поэтажной и межсекционной инструкции. Уж кто-кто, а девочка с детства помнила строительную физику башни.

---

⁶ Вертушка – телефонный аппарат прямой связи с Управлением Президента. Герб, вероятно, остался, как память.

– Значит так, – дед, не теряя времени, принялся объяснять детали конструкции. – Телебашня до отметки триста пятьдесят восемь метров выполнена из железобетонных конструкций. Верхняя часть представляет антенную металлическую надстройку.

– Вот-вот, нас это место больше всего интересует, – вставил один из гостей.

– Товарищ подполковник, не мешайте, – строго посмотрел на него дед. – Вот здесь, – он показал на чертёж башни в разрезе. – Здесь, внутри башни, в кабельной шахте по всей высоте проложены антенны и электрокабели, обеспечивающие, так сказать, передачу телевизионных и радиосигналов к передающим устройствам. Свыше четырёхсотметровой отметки смонтировано то же самое, только механиками госбезопасности.

Для подъёма персонала на эту поэтажную отметку предназначены четыре лифта: три пассажирских, один грузовой. Дальше до отметки четыреста восемьдесят семь метров функционирует технический лифт. В его капсуле на случай пожара имеется металлическая лестница, идущая до отметки пятьсот восемнадцать метров.

– Сколько всего лифтов? – спросил второй гость.

– Всего в башне девять лифтов. Четыре из них, как я уже сказал, высокоскоростные. Лифты и вся их обслуживающая техника – немецкие. При монтаже их считали самыми надёжными.

– Это когда было? – опять вклинился подполковник.

– По-моему, – дед на секунду задумался, – шестьдесят седьмой годик, хруще-брежневские времена. Тогда на четырёх лифтах катались только в сопровождении лифтьёров. А остальные пять для технарей, obsługi и прочее.

На столе перед Виктором Васильевичем надсадно зазвонил телефон. Он машинально взял трубку.

– Да... Слушаю... Наливайко?!

– Это меня, – отозвался подполковник, протянув руку.

– Наливайко у телефона, – сообщил он в трубку. – Что? Сразу три?! А что вы мне по сотовому не звоните? Не соединяет? Ладно, вы диспетчер, вы и должны отыскать майора Краснова... да, непосредственный исполнитель... да, где-то в башне.

Подполковник положил трубку, и все трое присутствующих напряжённо ждали новостей. Ясно, что случилось опять какое-то ЧП, ясно, что просто так диспетчер не потревожил бы.

– Три лифта вышли из строя, – глухо сообщил подполковник. – Два рухнули с высоты, а третий застрял где-то между этажами. В общем, вероятно, будут человеческие жертвы и, надо полагать, не последние.

– Но ведь лифтами во время пожара пользоваться категорически запрещено! – возмутился дед. – Что у вас там пожарники делают? Анекдоты сочиняют про пожар в Останкино?

– Вот поэтому мы и здесь, Виктор Васильевич, – отрезал подполковник. – Надо ж помочь мужикам! Лифтами будут пользоваться до самого не могу. Я лично распоряжение дал, надеюсь, вы не против?

– Вам виднее, – смутился дед.

– Вот и расскажите о том, в чём вы пока ещё лучше многих разбираетесь. Этим вы можете избежать лишних человеческих жертв.

– Может сварить кофе? – предложила Ксения, пытаясь разрядить обстановку.

Поскольку отказа не последовало, девушка нырнула на кухню и занялась делом. Во всяком случае, иногда даже простенькая чашечка кофе помогает решить множество проблем. На кухне Ксюша управилась быстро и подала мужчинам ароматный напиток, ко всеобщему удовольствию.

Виктор Васильевич, воспользовавшись удобным моментом, тут же включил приёмник в надежде почерпнуть дополнительную информацию о пожаре и погибшей субмарине. Но, увы, «Новости» были стары и скудны.

– Кто-нибудь из вас толком знает, что там с «Курском» творится? Можно спасти тех, кого можно спасти? Не верю, что погиб весь экипаж, – рокотал Знатнов, вытирая многодумный лоб синим клетчатым платком.

– Знаешь, дед, – тихо прозвучал голос Ксении. – Не к месту, да и не ко времени ты заиклился на подводной лодке. Останкино горит, твоё детище. Его надо спасать! – Ксения, ты в своём уме? – опешил Виктор Васильевич. – Что ты мелешь? Там – люди гибнут! Или человеческая жизнь для тебя ничего не значит?

Его губы непроизвольно искривились в горькой усмешке.

– Человеческая жизнь? – взорвалась Ксения. – Это – как посчитать!.. Пусть в этом железном гробу погибли несколько десятков моряков – да, трагедия, но они знали, на что шли. А у нас под боком, в Чечне, Афгане, сколько растерзали русских, и совсем безвинных? Будёновск забыл? А взрывы в метро, в домах здесь, в столице! И сколько человеконенавистники ещё смогут за один раз порешить: сто? двести? тысячу человек? Но эти жертвы исчислимы, хотя и чудовищны. А вот какую потенциальную угрозу представляет башня... Может я и ошибаюсь, но тут одним миллионом не обойдётся! И одной страной...

– Ксения Александровна, давайте семейные дебаты на потом отложим? – вмешался Наливайко.

– Нет уж, позвольте закончить! По-моему, дед так и не врубится в ситуацию, – заупрямилась девушка. – Так вот. Здесь и сейчас может разыгаться трагедия едва ли не мирового масштаба. Я правильно понимаю?

– Правильно, – подтвердили подполковник с капитаном.

– Я пока ещё не совсем в курсе, – тряхнула головой девушка. – Но задней пяткой чувствую, близится то, дедуля, в чём мы с папой, как мухи в паутине запутались. Ты стал участником создания антенны для передачи команд космическим роботам, не имеющим ни голов, ни соображения. Что скажешь, если на спутники будет послан сигнал общеизвестного «часа X»?

– Откуда ты об этом знаешь? – удивился дед.

– От верблюда. Сам говорил, мне далеко не семнадцать лет. Дело не в этом, – оборвала его Ксюха. – Дело в том, что каждую минуту, каждую секунду может разразиться Третья Мировая война. Или это не пугает тебя, дед? Погибнут все, – голос девушки погас, но никто не нарушал тишины. – Погибнут все... Это и есть конец времён, как возвещал Нострадамус.

– Ну, знаешь! – пытался отмахнуться Виктор Васильевич.

– Знаете, она права, – подал голос Рожнов. – Вы построили антенну для передачи команд уничтожения, но вы можете помочь спасти человечество.

– Что же я могу? Как? – не понимал Виктор Васильевич.

– Всё очень просто. Вы – один из конструкторов объекта, – продолжил Рожнов. – Вы знаете досконально план башни. Ежели не сможете сопровождать нас, то должны подсказать, на какой высоте, и каким способом легче туда проникнуть. Виктор Васильевич остро глянул на Родиона, потом многозначительно покрутил пустую чашку. Ксюха поняла намёк, тут же помчалась в кухню за очередной порцией кофе, а дед после некоторого колебания, обронил:

– Хорошо.

Через пару минут он, с наслаждением потягивая кофе, высказал вполне конкретные соображения.

– Нечего лишний раз поминать, что вся Останкинская башня представляет самый большой Ретранслятор мира.

– Чего? – думая, что ослышался, переспросил Рожнов.

– Именно так, я не оговорился. Но, – Знатнов сделал паузу, – меня, конструктора, известные службы откровенно не подпускали к монтажу многих узлов управления и слежения. Тем не менее, я имел кое к чему доступ. Более того, имею через свои каналы обновлённую дешифровку спутников. Генерал Рубцов знал к кому вас посылать.

– Вот мы и пришли, – утвердительно кивнул Наливайко. – Нам необходимо знать, где самые контрольные и самые уязвимые узлы. Как отключить, если потребуется, и вообще, как проникнуть в систему, или же в помещение, где находится сам Ретранслятор. Можно ли попасть туда сверху, высадив, скажем, парашютный десант?

– Прыжок возможен, но это всё равно как стрелять из гаубицы по воробьям, – хмыкнул Виктор Васильевич. – Гораздо легче и быстрее пройти по внутренним шахтам, тем более, что ваши боевые расчёты оккупировали башню изнутри и снаружи. Ведь лифты сами по себе никогда не рухнут.

– Итак, Виктор Васильевич, не будем терять время, – мягко поторопил подполковник. – Нам надо знать, повторяю, конкретные узлы и доступы к ним, потому что ни ГРУ, ни ФСБ информацией никогда не поделятся, а мы имеем право их сейчас не допускать на горящий объект. Согласовывать же с ними на высшем уровне, просто нет времени, да и обычного человеческого хотения.

– Я знаю, примерно, где закреплены интересующие вас приборы, – задумчиво проговорил Виктор Васильевич. – Это на высоте между четыреста двадцатью и четыреста пятьюстами метрами. Но самим вам справиться будет очень сложно. А моё участие в операции сомнительно, поскольку в полости башни сейчас сильное задымление, и мне вряд ли поможет даже кислородная маска. К сожалению, здоровьишко уже оставляет желать лучшего. Но попробовать всё-таки необходимо.

– Я помогу, – неожиданно сказала Ксения.

– Вы?! – разом ахнули подполковник и капитан.

– Да, я. Не удивляйтесь, – голос девушки звучал уверенно и даже несколько нетерпеливо. – Я всё своё детство провела с дедом в этой башне. И ориентируюсь во многих местах даже лучше, чем он. Тем более, я не замужем, и спрашивать разрешения не у кого.

– Она права, – вздохнул Виктор Васильевич.

– Вы действительно сможете помочь нам, Ксения Александровна? – сомневался подполковник. – Вы, кажется, журналист?

– Берёте? – подстегнула его Ксюха.

– Лучше поделитесь своими соображениями с капитаном, – Наливайко явно колебался.

– Товарищ подполковник, – вмешался Рожнов. – Задание с вашей лёгкой руки выполнять мне, значит, и решать мне кого выбирать в помощники. Выбора у нас нет, так?

– Так, – нехотя согласился офицер.

– Я беру её, – хлопнул по столу ладонью Родион, отменяя прочь все соображения и возражения. – Мы поднимемся на моторный лифтовой уровень, а там будем действовать по обстановке.

– Класс! – загорелись глаза Ксюши. – Дед, молчи! – скомандовала она, заметив, что тот собирается возразить. – Человечество в опасности! У вашего пожарного расчёта запасная роба найдётся? – обратилась она к Рожнову.

– Даже не одна, – успокоил её капитан. – Такой запас и в техническом отделе телебашни имеется. Но несколько штук более современных комбинезонов в МЧСовском вертолёте лежат, на котором мы сюда прилетели.

Дальнейшие сборы не заняли слишком много времени. Ксюха скрылась в соседней комнате, чтобы переодеться. Офицеры подошли к окну, черный зловещий хвост дыма с проблесками открытого пламени стелился над городом.

– Кстати, Родион, – вспомнил Наливайко. – Совсем не с моей подачи и не по моему благословению идёшь ты на задание. И не по генеральской воле. Я лишь твой официальный куратор. Чем чёрт не шутит?..

– Вот как? – удивился тот.

– Да, представь себе. А рекомендовал тебя твой непосредственный начальник майор Краснов.

– Краснов? – по лицу капитана пробежала тень. – Он-то здесь что выискивает?

– Наверно, помнит, как генерал Рубцов лично награждал тебя медалью «За отвагу на пожаре», – усмехнулся подполковник. – А при награждении присутствовала, между прочим, и внучка Знатнова. Не помнишь? Она выступала как официальный представитель какого-то нашего издательства. Неужели не помнишь? Жаль. Но это, собственно, неважно.

– Важно, даже очень, – обернулся к ним Виктор Васильевич. – Я помню этот случай, Ксения тогда написала сногшибательную статью.

– Правильно, – Ксюша появилась из своей комнаты в полной экипировке. – Не медаль красит человека... Я тогда была всего-то так, дежурный репортёр, но вас, товарищ капитан, почему-то запомнила. Во всяком случае, постараюсь быть вам полезной, не пожалеете, – добавила она насмешливо.

– И мы того же мнения, – подхватил подполковник.

Глава 4

– Знаете, Александр Викторович, вы практически только-только примкнули к нам и сразу же возомнили себе – срочно взять быка за рога. Прямо здесь, прямо сейчас и никак иначе! Так дела не делаются, сударь мой, – пристойная отповедь слетала с губ полного мужчины, с аккуратно оформленной, посеребрённой ранней сединой бородкой, посадившего себе на кончик носа очки с толстыми линзами в массивной оправе. Он непременно выглядел бы почтенным профессором, кабы на нём вместо штормовки, ковбойки и выдавших виды джинсов были нацеплены лаковые корочки и протокольный смокинг с засаленными отворотами, как принято было до недавнего времени изображать бедных советских профессоров и академиков.

– Знаете, Константин Константинович, – оправдывался такой же бородатый, но явно не местный мужчина. – Я вовсе не желаю – всё сразу и прямо сейчас. Даже Москва не сразу строилась. В общем, думал, будет просто полезнее быстрое овладение материалом. Ведь предварительные результаты наблюдений были изложены в Институте Истории Естествознания и Техники, в Астрономо-геодезическом обществе, в институте имени Шернберга в Москве. Я не знаю, где ещё, но ваши выступления вызвали фурор ещё в начале девяностых. А сейчас, на сломе веков, вы попали, Константин Константинович, как раз на ту волну, когда говорят: «на утро Быструшкин проснулся знаменитым!». Даже в вашей Уральской Академии Наук на вас смотрят, как на живого бога.

Ветер сорвался в долину с окружающих её сопок ураганной волной, прокатившейся по редколесью, по некрутым берегам Сынташты и затух возле возвышающегося неподалеку холма, на котором велся раскоп наделавшего столько шума исторического Аркаима.

Может быть, Быструшкин и его московский гость имели где-то какие-то заслуги, только здесь, в долине страны «Десяти городов», они выглядели как второразрядные археологи, распалившие вечерний костерок возле времянок, обосновавшихся на берегу Сынташты. Мужчины между делом вели за семитравным чаем важные, как им казалось, душеспасительные беседы.

– Сами посудите, Константин Константинович, – продолжал Знатнов. – Никто на открытие археолога Здановича в середине восьмидесятых не обратил внимания и не обратил бы до сих пор, если бы не вы.

– А что я? – пожал плечами Быструшкин. – Всю долину десять лет назад, в начале девяностых, превратили бы в великое водохранилище, о котором мечтают одни только джейраны из казахстанских степей и медведи уральской тайги. Пришлось бедных животных разочаровать, зато человечество узнало о существовании Аркаима – единственного уцелевшего памятника, существовавшего ещё за пять тысяч лет до Рождества Христова.

Между прочим, первым мировую волну открытия Аркаима поднял ваш земляк Виктор Иванович Калашников. Именно он опубликовал найденные документы о царстве Арктида, которое располагалось в районе Земли Франца Иосифа. Оттуда переселенцы спустились южнее вдоль Рипейских гор. А вот здесь, именно здесь, жили праотцы, чуть ли не всего человечества. Даже Заратустра родился в Аркаиме.

– Но это же переворот в истории человечества и вообще всей земли! – запальчиво вставил Знатнов.

– Не приписывайте, пожалуйста, рядовым открытиям судьбоносной роли, Александр Викторович, – одёрнул собеседника Быструшкин. – Просто человечество в одно прекрасное время пошло не по тому пути развития, каков был предложен Свыше. И то, что многие науки, знания, многие законы бытия в самом начале истории были экспортированы из России, а не импортированы ею же – наконец стало известно.

Это аналогично истории с геометрией эвклидоваго пространства. Именно такой же взрыв произошёл в фундаментальной науке, когда стало известно спиральное развитие космического

пространства, а не принятое до того на вооружение евклидовское квадратно-гнездовое. Причём, сейчас наше трёхмерное пространство стали-таки именовать четырёхмерным, добавив поток времени.

– Но у вас, Константин Константинович, есть уже реальные факты, доказывающие, что Аркаим – столица царства Десяти Городов? – Знатнов подкинул несколько деревяшек в костёр. Пламя утробно заурчало, радуясь щедрому дару, и выбрасывая к звёздному небу негустые снопы мелких искорок, делясь с ночным небосклоном частью своей жизненной силы.

– Реальные факты есть всегда и у каждого, – задумчиво произнёс астроархеолог. – Только человек не стремится замечать посланное ему Свыше, и самое настоящее чудо всегда пытается вогнать в рамки материалистического, в крайнем случае интеллектуального объяснения, но никак не духовного. А ничего в этом мире не бывает более материально, как наша мистическая жизнь. Вот вы живёте в Третьем Риме, а знаете хотя бы почему Наполеон из Москвы бежал, чуть ли не теряя тапочки на ходу?

– У вас своё мнение на этот счёт? – прищурился Знатнов.

– Что – мнение, есть общеизвестный факт, который история признавать не желает. Всё очень просто: Бонапарту приказала убраться сама Богородица. Явление императору было в первый день вступления в столицу. Что ни говори, а русские проиграли Бородинскую битву. У Кутузова намечались самые грандиозные планы, просто даже Наполеоновские, но война проиграна. А на матч-реванш требовалось время и силы. Никогда бы французы не кинулись удирать из Москвы, тем более, на следующий день.

Только на прощанье, как истовый корсиканец, Наполеон решил позаботиться о Кремле, приказав под стеновыми башнями заложить столько пороху, чтобы хватило на весь город. И что бы вы думали? Ни одна бочка не взорвалась!

Материалисты всё на случайность сваливают, мол, порох отсырел и прочая мура, более того, о происшествии, оказывается, упоминать не принято. Зачем смущать незрелые умы? А вот ещё один любопытный исторический артефакт.

В сорок первом немец, закусив удила, рвался к столице. Вдруг у танковой дивизии на пути – представляете хотя бы? – вырастают двадцать восемь практически безоружных героев Панфиловцев и останавливают армаду!

– Вы хотите сказать, опять Царица Небесная вмешалась? – поднял бровь Знатнов.

– Сжалилась, – поправил собеседника астроархеолог. – Вы, москвич, разве не знаете об этом?

– Знаю, – кивнул Александр Викторович. – Только у нас чуть-чуть по-другому рассказывают. Говорят, вымолил прощение сам Коба. Да-да, я не оговорился. У него всё же хватило соображения пойти поклониться блаженной Матронушке. Старица тогда жива ещё была и проживала в Донском монастыре. Матронушка велела икону Владимирской трижды вокруг Москвы на самолёте обнести, открыть все храмы и читать неусыпную Псалтирь.

– Значит, недаром Коба в юности послушничал, – хмыкнул Константин Константинович. – Если помните, Грузия – тоже православная страна и там такие же монастыри, как у нас. В общем, хотел стать монахом Джугашвили, ан немножко не так получилось.

– Так-таки и монахом? И это тоже, правда?

– А то как же, – воодушевлённо продолжил Быструшкин. – Просто слишком рано деньги ему в лапы попали. А ведь это такая огромная энергетическая сила, с которой надобно уметь управляться, иначе сметёт, проглотит, испепелит...

Любой из нас, если ты человек, обязан знать и представлять, что деньги – сумасшедшая, безжалостная сила, безответственная энергия. Иначе попадёшь в плен, станешь, как многие, молиться Мамоне, Золотому Тельцу то есть.

А двух Богов не бывает. Человек всегда получает только то, что заслуживает. Вот вы, например, сломя голову примчались сюда. Спрашивается: а зачем? От жены скрыться подальше?

При этих словах Знатнов непроизвольно коснулся обручального кольца на правой руке. Даже прикрыл его левой ладонью на несколько секунд. Потом коротко глянул на собеседника.

– В нашей семье с женщинами вечно происходят какие-то приключения, – голос Александра Викторовича прозвучал глуше обычного, как будто он в чём-то оправдывался перед владыкой Аркаима. – Никому ещё, как известно, не удавалась скрыться от судьбы. Моя мама, например, – дочь Серебряного века.

– Интересно, интересно, – оживился Быструшкин.

– Да. Её отец – Максимилиан Волошин.

– Так вы по матушкиной линии «из бывших»?

– Ой, – махнул рукой Знатнов. – Кто сейчас не из бывших? В Москве, куда ни плюнь, либо в дворянина, либо в смерда попадётся.

– Так много дворян развелось? – улыбнулся Быструшкин.

– Нет. Есть беда и похуже, – Александр Викторович взглянул в упор на собеседника. – Наш бедный Третий Рим вообще скоро в Москвабад переименуют. Мэр столицы Лужков продаёт город пришлым кавказцам. Одна моя знакомая совершенно серьёзно утверждает, что московские женщины с очень большим уважением и вниманием относятся к чеченцам, а русские мужики уже совсем не нужны, мол, пьяницы все, дебоширы, демократы, лентяи... в общем, много каких претензий русскому мужскому населению. Но вот-де чеченцы, хоть и чужие, да все работающие, любят чай замутить, кости в курином яйце поискать! Только какими трудами инородцы на жизнь зарабатывают – об этом история умалчивает. А на радужно-мыльные пузыри из «дворян» и смотреть противно. Нет, они, возможно, имеют родовые корни, но коль сам неуч, нечего хвалиться предками. Вот у дочери моей действительно дворянская кровь даёт о себе знать: волевая, решительная – вся в бабушку. Единственно, что плохо, в годах уже, а замуж так и не вышла.

– Можете передать своей ценительнице инородцев, что никогда, ни в какие века настоящие русские женщины басурманам не поклонялись, – подал голос Константин Константинович. – Их только силой в полон уводили. Вспомните Ермака Тимофеевича и его любимую. Даже в плену, даже родив от татарина дитя, женщина не забыла свою русскую любовь. Мало ли что судьба с нами вытворяет.

Весь вопрос в том, согласишься ли ты добровольно согнуть спину и продать душу, никаким чужим ничего никогда не обломится, сколько не приставай к русской женщине. Недаром же испокон веков пословица – сучка не захочет, кобель не вскочит.

А что касается новоявленных дворян, то и здесь надо подходить с осторожностью. Вспомните, как Христос сказал: «Судите Меня по делам Моим». Ежели ты дворянин, скажи, что сделал, что исполнил для Родины, для Отечества? А ежели только сверкаешь как мыльный пузырь, то и жизнь твоя так же бесславно закончится. Кстати, не сетуйте на дочь, что в девках засиделась, просто не родился ещё такой, кто обуздать сможет. Но коль объявится молодец – никаким арканом не удержите.

– Приятно слышать речи не мальчика, но мужа, – Знатнов чуть наклонил голову. – Всё же позвольте, кинуть камешек в огород: если б все так думали, у нас страна вмиг стала бы золотой.

– Мы живём, по сути, в бронзовом веке, – Константин Константинович для убедительности поднял вверх указательный палец. – Не надо превращать то, что дано Богом в другой металл. Всею своё время. Может быть, и бронза засияет ярче золота. Кто знает?

– Согласен, – кивнул Александр Викторович.

– Кстати, как отнеслась ваша жена к этой поездке? – Константин Константинович посмотрел на собеседника. – Вы о ней ничего не сказали. Она спокойно вас сюда отпустила?

– Жена? – Знатнов снова коснулся обручального кольца. – Жена – это уже совсем другая тема. Я вам как-нибудь расскажу. В другой раз. Договорились?

– Так тому и быть, – астроархеолог снял с огня котелок, с закипевшей речной водичкой и принялся колдовать над семитравной заваркой, выложил припасённые бутерброды и, конечно же, извлёк из «кухонного стола», сколоченного из грубо обтёсанных досок, трёхлитровую банку малинового варенья.

Возле костра на короткое время прикорнула за компанию тишина, нарушаемая только весёлым потрескиванием костерка. Пламя вовсе не просило подбросить чего-нибудь ещё смоляного и душистого, но с удовольствием поглощало дрова, как его соседи – варенье.

– Так. Что там с нашими баранами? – литературовед попытался вернуться к интересующей его теме, налегая на лесное лакомство. – Что такое Аркаим, его суть, роль в этом мире?

– Что? – насупился Быструшкин. – Город. Исторический памятник. Ему, как минимум, пять тысяч лет отроду. Впрочем, вы уже визуально знакомы.

Астроархеолог иногда вдруг резко сворачивался в клубок, словно ёж, выставляя колючки. Вот уж точно – Быструшкин!

Такие резкие скачки настроения не типичны для мужской особи. Другое дело женщина. Недаром в народе говорят, что у неё – семь пятниц на неделе. Но, видимо, Быструшкин о таких характерных отличий просто не знал, либо не придавал значения. Да и не до этого ему было. Ведь астроархеология – не кот в кожаном пальто, не ком с бугра и даже не какая-то научная сенсация.

Эта наука развивалась исподволь и, наконец, самоутвердилась в России. Во всяком случае, Константин Константинович принял в этом деятельное участие. А когда удалось спасти Аркаим от принятого партией и правительством решения о превращении этого района в водохранилище, астроархеолог и вовсе здесь поселился. Недаром местные жители в шутку величали его владыкой царства Десяти Городов.

– Ты не дуйся на меня, Александр Викторович, – голос Быструшкина звучал на этот раз вполне примирительно. Видимо, принятый вприкуску с тишиной густой чай, в компании с увесистым бутербродом, вернули ему расположение к беседе. – У меня характер такой дурной, не обижайся, – повторил он, не заметив даже, что примирительно и незаметно перешёл с гостем на «ты».

А что? – ни на Древней Руси, ни в царстве Израильском, или Египетском ни двойственного, ни тройственного отношения меж людьми не существовало, то есть никто не называл соседа «величеством», не кланялся в ноги, не лебезил: «Вы извиняйте, но...». Тем не менее, именно сегодня и именно в этом мире существовали какие-то свои предписания в обращении к себе подобным. Может быть, на это не стоило обращать внимания, только из общения меж людьми лепится история человечества, планеты, Вселенной.

– Аркаим – это, по сути, точнейшая горизонтальная обсерватория, – Быструшкин для наглядности провёл вокруг себя ладонью в воздухе воображаемую горизонтальную плоскость. – Тебе не показалось странным два круга городских стен, находящихся один в другом и соединяющая их спираль дороги?

– Ну и что? – удивился Знатнов. – Наружная стена – крепостная, внутренняя – цитадель крепости. Это типично для крепостных сооружений всего мира, а не только здесь у нас.

– Но спиралевидное вращение одного круга в другой есть только в древних индусских Ведах. Так у них изображались мандалы – структурная аналогия человеческой жизни. Это заключено и в трёх кругах Тамерлана. И подобную схему развития обнаружили наши астрономы совсем недавно. Угадай с первого раза – где?

– В космосе? – нерешительно предположил Знатнов.

– Молодец! – похвалил астроархеолог. – Именно там. Именно так развивалась и развивается Вселенная. Почему сначала долина Десяти Городов не очень привлекала вообще внимание, хотя Аркаим ясно просматривался с любого спутника? Почему раньше это место обходили стороной? Почему только после всенародного заявления Геннадия Здановича, что Аркаим –

это пример слитности и неразделённости самых различных начал. Здесь соединены не только основы крепости, ремесленных открытий, обычного жилища, но и научные знания прошлого и будущего, что именно Рипейские горы не разъединяют, а наоборот, соединяют два полушария одной большой головы с именем Земля. Отсюда происходило расселение различных народностей по всей планете – только после такого официального заявления учёные стали осторожно и неуверенно ходить кругами? Нельзя, конечно, забывать и о другом таинственном материке – Атлантиде. Но выходцы оттуда привнесли в мир быстро прижившуюся везде ненависть, злобу и зависть. Вот тогда впервые появились лозунги: отнять и разделить! – будь то негры или китайцы, не говоря уже о диких гиперборейцах.

Всё очень просто: здесь, слава Богу, не оказалось никаких кладов с мамоновским знаменем Золотого Тельца. Наша быдловатая толпа, рыскающая только в поисках золота, никогда не поймёт, что Аркаим – нечто в тысячу, в тысячу тысяч раз дороже. Ведь девяносто процентов приключенческих фильмов внушают недорослям: овладеешь золотом – овладеешь миром! Но при этом ловкие повара стыдливо умалчивают, что золото может запросто овладеть тобой: то, что тебе принадлежит, в итоге становится твоим хозяином.

Чтобы понятнее было, объясню с помощью той же мандалы. Мужчины по складу развития своего и по типу мышления, подобны внешней крепостной стене, а женщины – внутренней. К цитадели нельзя прорваться, не разрушив внешнюю стену, но и внутренняя никогда не уцелеет без внешней. Это закон природы и внешнего развития. Что же имеем мы?

По примеру мандалы существует внешний мир: алчущие золотодобытчики и кладоискатели рвутся всеми возможными способами в цитадель, где сокрыты баснословные сокровища, совсем не представляя – как выглядят эти богатства. Очень мало людей понимает, что, утащив золото из мандалы, они погибнут, потому что микромир не способен существовать без макромира и наоборот.

Погибнет и похищенное ими сокровище. Навсегда. Только неразрушенная внутренняя и внешняя стена крепости составляют единое целое. Это далеко не кусок мяса здесь и сейчас для любого, но всё – для двоих вместе, то есть микромира и макромира внутреннего состояния людей.

Это путь развития всех, кто хочет и может пройти по спирали от одной стены к другой. Только пройдя этот путь, человек начинает понимать всю мелочность, глупость и безысходность драк за вожделенный кусок золота. Первыми структуру царства поняли египтяне. Но дельта Нила была оккупационной зоной выходцев из Атлантиды, а потомки руссов жили выше по течению вплоть до самого экватора. Затем структуру царства Десяти Городов подхватили жители Олесья,⁷ а за ними греки и примерно такую же государственную основу ввели у себя. Все короли, а со временем и президенты других стран удивлялись и удивляются до сих пор: откуда же у греков такая необыкновенная система государственного строя? Просто они позаимствовали основу здесь.

Но самое главное это то, что греки первые обратили внимание на заглавную роль женщины в этом мире. Нормальная женщина никогда не отказывается от сотрудничества с мужчиной. Женское начало нельзя загонять в угол, или давать полную волю без мужского. Я доходчиво объясняю?

– Да, – кивнул Знатнов. – Любая женщина, частица микромира, в первую очередь захочет кусок того самого мяса, даже не для себя, а для своего ребёнка. Поди, докажи, что ты мыслишь макроидеями, что настоящему мужчине так-де положено. Она сразу же тебя пошлёт к этим идеям вместе с мужским восприятием окружающего. И останется человек в космическом макромире, но без сермяжного микромира и даже без куска золота.

---

⁷ Олесье – современный Кипр.

– Как раз в этом состоит суть человека, – астроархеолог в возбуждении снова воздел указательный палец к небу. – Ты тоже не случайно здесь оказался, ведь знаешь же, что ничего случайного в этом мире не бывает. И Аркаим, существующий за три, даже за пять тысяч лет до Рождества Христова, как пригоризонтальная обсерватория, тоже не случаен. Известно, что здесь родился Заратустра. А завтра к нам в гости Смарагд пожалует. Тоже не случайно, между прочим. Он желает с тобой познакомиться.

– Смарагд... это имя или как?

– Или как, – усмехнулся Быструшкин. – Смарагд – это настоящее имя старца, в переводе означает изумруд. Но я окрестил его Смарагдом Яхонтовичем. Видишь, словоблудию все подвержены, не только избранные.

– Вы причисляете меня к избранным? – осторожно спросил Знатнов.

– Конечно! Если тебе самому это ещё неизвестно, то скоро узнаешь. Будет день – будет пища. А сейчас пошли-ка спать... избранный.

На том и разошлись. Вернее, отправился спать только Александр Викторович, хотя ему не очень-то и хотелось. Скорее всего, Быструшкину, видимо, не терпелось побыть одному, поразмыслить, и мешать учёному не следовало. Тем более, звёздное небо даже в нескольких шагах от костра удивляло своей чёрной бездонностью. Где-то посредине меж землёй и бесконечностью кучковались звёзды то собираясь в хороводы, то разбегаясь по заоблачным кустам, разросшимся на обочинах Млечного пути.

И под этим огромным чёрным опрокинутым блюдом в середине другого блюда на островке, опоясанном двумя рукавами Сынташты, высился тёмный холм Аркаима. Хотя нет, не такой он был тёмный даже в непроглядной ночи.

В цитадели перед её основным зданием недавно удалось освободить от земли настоящую каменную пирамиду. Конечно же, не такую величественную, как любая египетская, но аналогичной конструкции, лишь облицованную снаружи белой керамической плиткой. Мало того, сибирская пирамида была увенчана бронзовым крестом Константина на маковке: буквы «Х» и «Р» пересекались на вершине, озадачивая зрителя, потому что в этих местах знак появился намного раньше, чем его увидел император Константин в небе над Римом. Это Знатнов вблизи ещё не видел, хотя Быструшкин успел с ним поделиться своими впечатлениями. Явление удивительное, но существующее.

Самое загадочное, откуда здесь взялся крест, да к тому же Константинов, когда ещё не был воплощён Сын Человеческий? При императоре Константине произошло обращение в христианство, но всё это было позднее, после распятия, после Воскресения Сына Человеческого. А здесь и пирамида... и крест... за много тысяч лет до рождения младенца в Вифлееме!

Кольца времени часто выбрасывают под ноги человеку такое, от чего голова идёт кругом. Даже здесь, в Сибири, вдруг всплывают из небытия поразительные вещи, о чём человек начинает размышлять. Ведь до поры не давался в руки человеку Аркаим, как Алатырь-камень, как гора Куньмунь не давалась китайцам. Но когда открылась гора где-то в Гималаях, то оказалось, что через неё можно проникнуть в другие миры. Вот только не каждый может взойти на неё. Как знать, может, и Аркаим таков?..

Утро не принесло никакой ясности. Впрочем, всё было как всегда: речка Сынташта катила спокойные воды к Аркаимскому кургану, омывая его с двух сторон; по сопкам, окружающим долину, разлились солнечные лучи показавшегося из-за горизонта солнца; где-то в несусветной высоте кувыркался жаворонок, а у костра по-прежнему сидел Быструшкин вместе с каким-то примостившимся рядом мужчиной.

– Ну, вот. Лёгко на помине, – приветствовал он проснувшегося Знатнова.

Александр Викторович молча подсел на валявшееся у костра полено.

Астроархеолог, выглядел ничуть не хуже вчерашнего. И нельзя было понять, спал он или так и просидел всю ночь. Наверное, выражение лица Знатнова было весьма красноречивым, во

всяком случае, Быструшкин удовлетворённо ухмыльнулся, ему нравилось удивлять и поражать коллег.

– Ты, москвич, точно не проспался, – Константин Константинович хлопнул Знатнова широкой ладонью по спине. – Это же наш новый гость Смарагд Яхонтович. Мы же с тобой недавно о нём вспоминали. Иль, забыл?

Он показал на сидящего рядом мужчину, которого ни в бригаде археологов, ни среди местных жителей, заглядывающих сюда, раньше не было. Но по утрам у литературоведов, скорее всего, плоховато с логистикой, поэтому астроархеолог так и не дождался ответа.

– Я вечером тебе говорил, что к нам должен заглянуть старовер Смарагд. Говорил? Ну, слава Богу, – Быструшкин снял с себя солдатскую панаму и принялся обмахиваться ею, как веером. При этом копна густых с проседью волос, освободившись от панамы, рухнула ему на плечи. – Ага, понял всё-таки, – кивнул Константин Константинович. – Ты нас, наверно, за близнецов принял, поскольку у него такая же нестриженная грива с элегантной проседью. Ведь так? Так. А ты спросонья вовсе не обратил внимания на то, что человек, сидящий возле костра, в подряснике. Не обратил? Не обратил.

– Но откуда тебе... – промямлил Знатнов. – Но откуда вам стало известно, что он заглянет к нам именно сегодня? Ведь у вас не было ни с кем связи, ни по рации, ни через спутник.

– Вот знал и всё, – подтвердил Быструшкин. – Для этого не всегда к Маркони надо за помощью обращаться или же к Попову. Энергетика связей, ой какая огромная. Если разберётся когда-нибудь в этом, то никакое теле-радио не будет нужно. Но об этом позже. Ты бы лучше, товарищ литератор, с гостем поздоровался.

Мужчины протянули и пожали друг другу руки, а Быструшкин в это время подкладывал дровишки в костре под выдавший виды котелок. К костерку подтянулись ещё двое проснувшихся археологов. Те тоже с интересом уставились на гостя.

Мало того, что он был в подряснике, но поверх на груди у него ещё висел серебряный наперсный крест. Впрочем, и в этом не было бы ничего особенного, но крест был восьмиконечным. А такие ныне увидеть можно лишь на Руси, и то на епитрахили⁸ у какого-нибудь схимника.⁹

В общем-то, в российской глубинке никто, никуда и никогда не спешит, не опаздывает, не догоняет, но и не ждёт тоже. Археологи, уже не обращая внимания на гостя, занялись своими делами и тут же принялись обсуждать с Быструшкиным текущие проблемы.

А вот Александр Викторович нет-нет, да и бросал украдкой любопытный взгляд на гостя.

– А ты, мил-человек, чё-жо на крест-от поглядывашь, как на небывальщину каку? – спросил вдруг Смарагд, устремив чистый взгляд на Знатнова. – Я ить, как про тебя прослышал, сразу сбиратся стал.

– А где же про меня известно? – озадаченно спросил Александр Викторович.

– Дак у нас бают, – неопределённо махнул рукой Смарагд куда-то на север. – А крест-от старинной, – он коснулся пальцами к висевшему на груди распятию. – На Руси-матушке токмо так ране хаживали. Ить Никишка-вор дуже церковь обезглавил, защиты лишил.

– Это он о патриархе Никоне, – пояснил Константин Константинович, мельком прислушивающийся к возникшему разговору. – Во времена церковной смуты по единоначальному приказу патриарха Никона посшибали со всех русских церквей такие вот восьмиконечные кресты, а взамен лепили что попроще – шестиконечные, а иногда и вовсе четырёх концов наподобие католических. Ведь недаром католики всегда в Россию рвались. Тепло им тут. Вольготно.

---

⁸ Епитрахиль – надета на шею поверх подрясника часть служебной одежды священника. У схимников на ней изображается восьмиконечный крест с жезлом и копием над головой Адама, покоящейся в недрах Голгофы.

⁹ Схимник – высший монашеский постриг.

– А при чём тут крест? Нельзя же войну из-за формы креста устраивать? – попробовал возразить Знатнов.

– Ой, что ты, милай, что ты? – покачал головой Смарагд.

– Темнота, – махнул на него рукой астроархеолог. – Если под тобой коня пополам разрубят, ты сможешь, как барон Мюнхаузен, так же на полуконяге ездить?

– Аль креститься триперстно? – подбавил масла в огонь Смарагд.

– А это здесь при чём? – удивился литературовед и непроизвольно сложил щепотью пальцы, как с детства учили. – Ведь я помню, мама мне с ранних лет твердила, что пальчики у нас слагаются во имя Отца и Сына, и Святого Духа.

– А зачем остальные два? – усмехнулся Быструшкин.

– Двуперстием ране знаменовались, – вставил старовер. – Как Божий дух и человечье начало. А Троица – три остальных перста.

– И ещё, – продолжал Константин Константинович, – найди мне хоть одно упоминание, хоть одну икону, где, либо Христос, либо какой из апостолов триперстием пользовался? Нет! Не увидишь! Потому что не было такого никогда. А церковная война... Сказано в Писании, что дьявол – обезьяна Бога. Тут без обезьяны не обошлось. Сама она ничегошеньки сотворить не может, а украсть, извратить, испоганить – это как дважды два. Наш мир – зеркало потустороннего. И наоборот. Если человек использует не тот символ, значит не тому и молится.

Недаром же ведьмы, колдуны и шаманы при совершении мистерий пользуются сто восьмым псалмом из Псалтиря самого царя Давида и обыкновенный крест вверх ногами переворачивают. Это их дьявольская добыча.

– Но я-то вам зачем понадобился? – задал Знатнов давно мучивший его вопрос. – Или сподобился доверия в краю непознанного царства?

– Сподобился, мил-человек, сподобился, – кивнул старец. – Я вот чаёк-то допил уже. Нут-ко пойдём в городище.

Смарагд встал и, не оглядываясь, отправился в сторону холма, на котором расположился доисторический город. Александр, конечно же, последовал за старцем. Меж тем «дедуля» проявил завидную прыть, и Знатнову пришлось прибавить ход, чтоб догнать его. Но тот не обратил на это никакого внимания, лишь обронил:

– Сегодня неблаженно пожаловать в городище. Смекаешь?

– Ну, так вы за этим и приехали, надо полагать, – парировал Знатнов. – И я тоже за тем же самым, поскольку не бывал ещё на самой вершине.

– Тут непшевати по разному можно, – старец даже обернулся к Александру Викторовичу. – Знамо с тобой ведь нудиться никто осмелиши. А я и подавно. Мне важно обдержание Рима Третьего. Ведь недалеко и обстояние.

– То есть вы хотите сказать, что на Москву скоро нападёт очередной Наполеон? – удивлённо спросил Знатнов.

– Чё ж тут велеречивого? – пожал плечами старец. – Мы отседова всё сробим.

В это время они подошли уже к мосту, перекинутому через один из рукавов Сынташты. Наружная крепостная стена окружала город непроходимым кольцом, вместо ворот в стене зияла огромная дыра, где когда-то, видимо, висели ворота, но время безжалостно уничтожило их.

Смарагд Яхонтович шагал широко, будто бывал здесь не один раз. А, может, действительно бывал? Недаром же появился неизвестно как и откуда. Кто его знает, стоит ли этому старцу доверять или просто присмотреться?

– Не замай себя, – вдруг проговорил тот. – Ты не пошёл бы со мной, не будь у тебя доверия. Благо, место святое. Ты сам разумеешь, токмо укорот не давай.

Слушая старца, Александр Викторович не уставал удивляться: надо же! Всё-то он знает, даже мысли читать умеет.

– И ты научишься, – вдруг отозвался Смарагд. – Это не так уж трудно. Не ищи рогатин, где их никогда не было, не отворяй пусты ворота.

Дорога прямо за «пустыми пристенными воротами» серпантинном уходила вверх, вымощенная тёсаным кирпичом. Смарагд таким же широким шагом направился к вершине холма. Александр Викторович старался не отставать.

На холме разместились многочисленные здания, сложенные из кусков синей глины вперемежку со стволами кедра. Если эти дома сложены были много тысяч лет назад и сохранились в земле, то оставалось загадкой, как обычный строительный материал просуществовал такое время без разрушений?

Когда же проходили мимо пруда с довольно чистой и незамутнённой водой, на шедшего впереди старца напал вдруг вынырнувший оттуда монстр. Вокруг ног Смарагда, словно петля, обвилось длинное щупальце, и чудовище тут же утопило бы его, но старец успел пронзить монстра тростью. Гад пискнул тоненьким голоском, но мгновенно обхватил ноги своей жертвы вторым щупальцем и потащил человека в воду. Александр Викторович сначала опешил: откуда в пруде самый настоящий осьминог?!

– Ах ты, бесятина! – взревел Знатнов и кинулся выручать старца.

Удалось только ухватить его за руки и не дать осьминогу утащить добычу в озеро. К счастью, на берегу валялась довольно внушительная оглобля, как будто кто-то специально вытащил эту дубину из телеги. Знатнов прихватил её одной рукой и крепко огрел гада. Житель пруда ослабил немного хватку, но тут же попытался опутать и ноги спасателя свободным щупальцем. Только Знатнов был начеку. На сей раз, превратив оглоблю в копьё, он со всей силушки проткнул тело пресноводной твари.

Осьминог выпустил добычу и попытался скрыться в глубине пруда. Но Знатнов, если уж брался за дело, то доводил всё до конца. Он надавил на жердину всей массой тела и обрадовался, увидев на воде разводы чёрной крови. Чудище явно проиграло битву! На всякий случай, Знатнов ещё несколько раз ширнул оглоблей во что-то мягкое, и монстр, дёрнувшись, замер.

– Ничего себе! – перевёл дух Александр Викторович. – Кто бы сказал, – никогда бы не поверил. Надо же!

Старец молча сидел рядом с ним на берегу из синей глины. Он, видимо, кое-как очухался, поскольку, сорвав клоч травы, принялся очищать с подола подрясника налипшую от щупальца слизь. Пока Смарагд приводил в порядок одежду, Знатнов встал и ещё раз внимательно взглянул на воду, где плавало тело убитого осьминога.

– И это здесь, в пресном пруду? – вырвался у Александра Викторовича непроизвольный вопрос.

– Зде, зде, – ответил старец. – Не ведал нешто. Мне это прошлой ночью во сне привиделось. Думал соблазнено.

Знатнов помог ему подняться и отряхнуть прилипшие к подолу подрясника крошки синей глины и вцепившиеся в сукно колючки. Смарагд кивнул и в знак благодарности отвесил низкий поклон.

Александр Викторович прекрасно знал, что ничего в этом грешном мире просто так не случается, но ответа на только что пережитое нападение осьминога, да ещё в пресноводном водоёме отыскать не мог. Просто в голове не укладывалось.

– А ты, знамо дело, не промыслил прю? – спросил Смарагд.

Вопрос показался неуместным и несколько двусмысленным. Но Александр Викторович решил на сей раз просто промолчать, ибо молчание, говорят, всегда приводит в этот мир мудрецов. Не прогадал и старец, хотя навряд ли ему надо было завоёвывать звание мудреца.

– Знамо, брат, нас ждут врата смертныя, врата адовы, да вратарь тамо-ка. А ты встань мне за спину. Вот ладом и сладится, – кивнул старец. – Проведаешь к зорьке брань великую, помяни моё слово.

Они снова начали подниматься к вершине холма, на котором находилась цитадель, неприступное сердце города. В откопанный центр города не подымался ещё и сам Знатнов, хотя на несколько дней раньше, прибывши в этот край, намеревался заглянуть сюда, и с этой просьбой обратился к Быструшкину. Но тот, то ли из вредности, то ли по другой причине пока не пускал гостя в святая святых.

Скоро дорога вывела путников к самым главным воротам, которые существовали и были настоящими, будто вчера сделанными. По краям змеился затейливый орнамент, а середина каждой створки делилась пополам с изображёнными в каждой части какими-то историческими событиями, вероятно, относящимся не только к Аркаиму, но и остальной земле.

Знатнов даже погладил доски, когда входили вовнутрь. Только разглядывать рисунки было некогда, потому что перед прибывшими предстал дворец, повторяющий конструкцию городских строений, только более глобального масштаба. А перед дворцом, словно ворота в храм, стояла небольшая пирамида, только Константинов крест был вовсе не на её маковке.

Рядом с этой пирамидой находилась такая же, только сложенная не из камня, а из человеческих черепов. В основании пирамиды виднелась зелёная трава, на которой с северной стороны лежал панцирь огромной черепахи, словно ремнём, перетянутый змеиной кожей. С южной грифон,¹⁰ лев с поднятой когтистой лапой и головой орла, выполненный из сочного оникса. На западной стороне примостилась большая птица из родонита с красивым девичьим лицом. Таких на Руси звали Макошь или Сириин.¹¹ А восток занимал Иркуйем-Богал,¹² бог медведей в настоящей лохматой шкуре.

Александр Викторович помнил истории этих Божьих тварей весьма смутно и решил при случае расспросить Константина Константиновича. Но более всего на него произвела впечатление пирамида из человеческих черепов, вершину которой венчала монограмма «Хи-Ро», то есть тот самый Константинов крест, состоящий из двух греческих букв имени Христа.

Известно, что скрещённые буквы «Х» и «Р», впервые увидел император Первого Рима – Константин. Увидел прямо в небе по дороге в Рим. Благодаря видению, Первый Рим и стал христианским. А под этими буквами находилась подпись: «In hoc vinces», что в переводе с латинского значит – СИМ ПОБЕДИШИ. Именно этому изречению Константин поверил и победил. Победил и гавров, и ливонцев, и этрусков, и даже взбесившихся в ту пору мавров. Власть Риму выпала великая именно в то время.

– Надо же, «сим победиши» наследует за отцом наследственную власть? – промолвил вслух Знатнов.

– Ой, не надо вручаний! – сразу возразил старец. – Ты, я мыслю, подворотню глаголишь?

– Так, да не так, – смутился Знатнов. – Чё ж нам пред горой черепов поклоны бить?

Александр Викторович и сам не заметил, как стал подражать непривычному, но вполне понятному говору старообрядца. А, может, древнерусская жилочка в нём проснулась, кто знает? Но тут из храма вышел навстречу ещё один старец, намного старше приезжего в светлом хлопчатобумажном подряснике, застёгнутом наглухо. Только как же он здесь оказался? Ведь ни огня, ни еды никто из археологов в храм не носил. Тем не менее, старец вёл себя вполне уверенно, а слова его были не чуднее, как у появившегося ниоткуда Смарагда.

– Здравии будьте, господари, коль пожаловали. Вельми всех Господь пожалует.

Пришедшие поклонились старцу. Из вытянутой руки старца в направлении выложенной из камня пирамиды вылетел как бы серебристый сгусток и рассыпался по строению сетью изумительных искорок.

---

¹⁰ Мифический крылатый лев, живущий в Гиперборейских странах.

¹¹ Красивые девушки, живущие вдалеке от людей, но обязательно у воды.

¹² В Сибири, на Урале, на Алтае – медвежий бог, разговаривающий на человеческом языке.

Этот необычный фейерверк ничуть не удивил Знатнова, он давно уже убедил себя в нечуждости пока необъяснимого чуда. Все мы живём в этом мире только раз и всем нам приходится сталкиваться с удивительным, а порой и самим совершать какие-то чудеса. Да, хоть вспомнить полчаса назад схватку с пресноводным осьминогом! Ведь нигде на земле подобного не найдёшь. А этот здесь обитал, затаился и охотился бы за археологами, если бы не оглобля. Кстати, Знатнов не собирался бросать свою спасительницу оглоблю – какое совершеннейшее оружие может быть в руке русского как не оглобля?

– Смута грядёт вскорости, – снова промолвил встретивший их старец. – Надоти Третий Рим спасти. Вам ввечеру прийти пособить надобно. Ярило закатится, и я вас зде ожидаючи.

С этими словами старец повернулся и скрылся в храме. Александр Викторович хотел было потянуть за подрясник Смарагда, поскольку старец стоял как замороженный. Но тот предостерегающе поднял руку. Чуть позже он подал знак Знатнову и зашагал по дороге вниз. Проходя мимо пруда, оба глянули на воду, только никакого чудища уже видно не было. То ли оклемался пресноводный гигант, то ли утонул. Всё же оба путника обогнули озеро сторонкой – мало ли что. Лишь подходя к наружной стене, Смарагд задумчиво поделился со Знатновым:

– Беда вскорости грядёт. Великая беда. Нам дело предстоит делати. Так что...

Он не договорил, полагая на сообразительность спутника. Тот тоже шёл задумавшись. На дороге показалась идущая навстречу группа археологов с Константином Константиновичем во главе.

– Что ж вы быстро как? – удивился тот.

– Да у нас дела до вечера откладываются, – ответил Знатнов. – Там видно будет, что нас ждёт.

– Вы старца тамошнего встретили?

– А как же, – кивнул головой Знатнов. – Он нам и приказал ввечеру явиться.

– Вона как значит, – Быструшкин даже почесал у себя за ухом. – Что ж, – старцы лучше в таких делах разбираются, – и он хитро взглянул на Смарагда.

Но тот молчал. Ночь покажет, кто в чём разбирается, а кто нет.

Глава 5

Лифт спускался вниз без каких-либо происшествий, отключений и прочих неприятностей, которые можно ожидать в любом доме нашей странной столицы. И всё-таки непредвиденное случилось. Спустившись вниз и уже выходя на улицу, наша троица услышала дробь башмаков по лестнице. Компанию догнал Виктор Васильевич и, задыхаясь, выговорил:

– Простите, я должен с вами идти. Должен!

– Дед, ты будешь нам в нагрузку, а не в помощь, – запротестовала Ксюха.

Виктор Васильевич от такого отпора поначалу оторопел, но сразу же справился с собой.

– Ребята, не слушайте эту грубиянку, – отмахнулся дед. – Она действительно знает все входы и выходы, но конструктор всё-таки я. И опять же, я не смогу вам дать в дорогу то, что просто живёт в моей голове. Вы оба офицеры и должны понимать, что это не трёп ради красного словца. Я сам в прошлом служил в НКВД и выполнял сложные задания, так что имею представление о настоящем воинском долге.

– Что будем делать? – Наливайко обратился к подчинённому, явно испытывая замешательство.

– Что, что? – буркнул Рожнов. – Лишний человек в команде, конечно, никогда не лишний. Но... – он на секунду запнулся, взглянув на девушку, ожидавшую решения, как смертного приговора. – Но, – снова проговорил Родион, – втроём нам будет действительно легче. Девочка права, и вы должны понять это, как мужчина.

Обуза в опасном деле иногда смерти подобна.

Грубость капитана оглушила. Виктор Васильевич не мог найти никаких возражений и склонил голову. Ксюша подошла к нему, чтобы хоть немного сгладить бестактность.

– Дедуль, ты своё сделал. Дай нам теперь себя показать! – она погладила его седую голову и поцеловала. – Считай, это простой пожар, на который не надо рваться, как на какой-нибудь ДЗОТ, чтобы закрыть его собственным телом. Здесь нужно то, чего ты можешь не заметить, а ошибиться нам нельзя. От этого зависит не только собственная жизнь, а жизнь всей страны или даже планеты. Я прошу тебя, сделай подарок внучке, не перечь нам.

Виктор Васильевич перечить не стал, что вызвало у пожарников вздох облегчения.

– Значит так, – начал он своё напутствие. – Значит так. Поднимайтесь только до трёхсот метров, если лифты ещё не вылетели. Дальше обязательно – пешком и по «баюновой» уступке.

– Дедушка «баюновой уступкой» служебную боковую лестницу величает, – пояснила Ксения офицерам. – Там, может быть, действительно безопасней будет, потому что тогда она создавалась «на всякий пожарный», то есть как раз для нас с вами. В общем, увидим.

Она ещё раз поцеловала деда в лоб, он так и остался стоять, низко опустив голову и совсем по-детски надув губы. Виктор Васильевич больше не взглянул вслед уходящим офицерам и своей внучке, но домой возвращаться не спешил. Да и что там делать? Даже по радио ничего толкового услышать нельзя. Неужели же все беды только из-за одной башни?

Меж тем, троица, не сговариваясь, шла молча, да и необходимо было приготовить себя к путешествию внутри горящего здания.

– Как вы понимаете, – нарушил молчание Наливайко, – наше Останкино представляет самый большой Ретранслятор энергии России, если не всего мира.

– Да что вы говорите?! – ехидно улыбнулась девушка. – Какой такой энергии?

– А ты? Что ты, Антон, вообще об энергии знаешь? – буркнул капитан. – Если такой грамотный, зачем меня упрасивал отключить Ретранслятор?

– Ну, знаешь! – начал закипать Наливайко.

– Знает, знает! – тут же вступилась за Родиона Ксюха. – Я ему верю, и вам советую, пока не поздно.

– Да что вы оба на меня набросились? – попытался защититься подполковник от неожиданной напасти. – Я же с вами вместе, а вы – на меня. Разве можно!

Рожнов, чтоб сгладить свой неловкий выпад, принялся копаться в планшете, прихваченным из вертолётa. Мало того, что Наливайко начальник, он, к тому же, давнишний приятель. А капитан ударил его, можно сказать, поддых...

– Ребята, хватит лаяться, мы не для этого здесь. Я прошу прощения, если не так сказал, – попытался извиниться Родион. – Проблема серьёзная и нас не поймут, если мы потеряем время, и... Сами понимаете, чем всё может кончиться.

Ферштейн?

– Яволь! – дружно отозвались подполковник с девушкой.

– Ну, так-то лучше, – усмехнулся Рожнов. – Меня сейчас беспокоит внутренняя карта, которую дал Виктор Васильевич. Мне не хотелось бы разглядывать её в дыму, да и на глазах у разных «любопытных» в фойе... Там этой шелупони набралось сейчас, как собак нерезанных, и каждый мыслит себя высокоуважаемым, нужным и решительным руководителем тушения пожара. Так что давайте здесь посмотрим.

– Ох, не слишком-то ты начальство привечаешь, – тут же подколот его Наливайко.

– Да вами же научен! – вспыхнул Родион. – У нас в России, что ни дворник, то самый большой начальник! К тому же, смотри-ка, сколько возле башни пожарных машин собралось.

– И не только пожарных, – Наливайко показал ему на ватагу чёрных легковых машин с «синяками». – Здесь уйма народу.

– Так! – прекратила дебаты Ксения. – Мне с вашими начальниками ой как встречаться не хочется. Мы карту будем смотреть, или где?

– Твой дед карту куда-то сюда засунул... хрен её знает! – проворчал Родион, усердно перебирая бумаги в планшете.

– Ну, нигде вы без женщины обойтись не можете. Смирно!

Ксения, забрав из рук Родиона планшет, быстренько в нём разобралась и вытащила на свет Божий искомый чертёж. Все склонились над ним, не дойдя всего лишь нескольких метров до припаркованного неподалеку вертолётa. Там было всё снаряжение, а в огонь без экипировки никак не полезешь.

– Пожар всё-таки спускается вниз, – Ксюша покосилась на башню, окутанную смрадным дымом, – Послушайте, мы можем подняться туда на вертолётe. Там есть смотровая площадка. Правда придётся прыгать, но это реальнее, чем время терять на подъём в лифте и на перепалки с каким-нибудь «штабом по спасению» или кураторами экстренного потушения пожара. Согласны?

Мужчины переглянулись. Такого экстремального предложения от женщины они, естественно, не ожидали. Это в данной ситуации было наиболее рационально. Оба кивнули и поспешили к ожидавшему их вертолёту. Подъём занял всего несколько минут.

– Вон эта площадка, – показала Ксения пилоту на козырёк, окружающий башню. – Можете вы подлететь, чтобы нам удобно было спуститься хотя бы на канате?

– Зачем канат? – удивился пилот. – У меня отличный трап. Правда, не дюралевый – верёвочный, но спуститесь в лучшем виде. Мне дым и близость стены нисколько не помешают зависнуть над площадкой, а по времени мы, кажется, не слишком стеснены. Так что не изображайте из себя спецназовцев.

Ксения удовлетворённо хмыкнула. Вертолёт подлетел к башне и замер над смотровой площадкой. Мужчины размотали лестницу, она повисла точно над поверхностью.

– Ну, ребята, Бог в помощь, – прокричал пилот.

Его напутствие послужило сигналом.

Родион набил всякими пожарными «игрушками» поясную сумку, прицепленную к ремню поверх надетого комбинезона, и легко начал спускаться на площадку.

Наливайко, глядя вслед подчинённому, усмехнулся: ведь бравое сползание по лестнице устроено только ради Ксении!

Следом за Рожновым подполковник отправил девушку. Так надёжнее. На всякий случай Наливайко пристегнул к её поясу страховочный альпинистский трос. С поясом, правда, пришлось немного повозиться, потому что обмундирование изготавливалось явно не для хрупких женщин, и поначалу пояс дважды обвился вокруг талии девушки. С подгонкой комбинезона Ксюша справилась сама, а в ремне провертели нужные дырки мужчины.

Подполковник стравливал понемногу лонжу, и успокоился только, когда девушка попала в объятия капитана. Тот поймал её на последней ступеньке и невольно прижал к груди. Девушка не сопротивлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.